

Захватывающая, великолепно придуманная и изысканная головоломка

ДЖОН
Вердон

**ПИТЕР ПЭН
ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ**

MASTER DETECTIVE

CoRpus

НОВОЕ ДЕЛО ДЭЙВА ГУРНИ

Дэйв Гурни

Джон Вердон

Питер Пэн должен умереть

«Corpus (АСТ)»

2014

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Вердон Д.

Питер Пэн должен умереть / Д. Вердон — «Corpus (АСТ)»,
2014 — (Дэйв Гурни)

ISBN 978-5-17-090059-6

В своем последнем остросюжетном романе Джон Вердон (р. 1942), признанный мастер детективного жанра, предлагает читателю на редкость замысловатую головоломку, поручив решить ее Дэйву Гурни – полицейскому в отставке, который уже успел прославить Вердона блестящими разгадками сложнейших убийств. На этот раз Гурни, действуя как частный детектив, не просто распутывает нити парадоксального преступления, но и разоблачает полицейских, которые провели ложное, недобросовестное расследование, ошибочно вычислили убийцу и закрыли дело, в результате чего в тюрьму попала Кэй Спалтер, обвиненная в убийстве собственного мужа. Подвергая свою жизнь опасности, Гурни нападает на след истинного преступника и, найдя наконец разгадку «дела Спалтеров», сам цепенеет от того, насколько абсурдной и ужасной оказалась правда.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-090059-6

© Вердон Д., 2014
© Corpus (АСТ), 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	47
Глава 12	52
Глава 13	55
Глава 14	59
Глава 15	62
Глава 16	67
Глава 17	70
Глава 18	73
Глава 19	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джон Вердон

Питер Пэн должен умереть

Серия «Masterdenective»

This edition is published by arrangement with The Friedrich Agency and The Van Lear Agency

© 2014 by John Verdon

© М. Виноградова, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Наоми

*В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха.
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочитя
«Юлий Цезарь», акт 4, сцена 3¹.*

¹ Перевод М. Зенкевича. (Здесь и далее примеч. перев.)

Пролог

Задолго до начала убийств

Было время, когда он мечтал стать главой великой страны. Ядерной державы.

У него, президента, всегда под рукой была бы ядерная кнопка. Одним движением пальца он мог бы запускать ядерные ракеты. Уничтожать целые города. Мог бы положить конец вонючему человечеству. Стереть все с этой чертовой грифельной доски – начисто.

Однако с возрастом пришло осознание своих перспектив, более реалистичное понимание возможностей. Он понял: до спускового механизма ядерного оружия ему не дотянуться.

А вот до других спусковых механизмов – запросто. Раз за разом, выстрел за выстрелом – так много чего можно добиться.

И пока он думал обо всем этом – а в подростковые годы он не думал почти ни о чем другом, – планы на будущее медленно обретали контуры. Теперь он знал, кем станет, когда вырастет, – что будет его сферой деятельности, его искусством, областью совершенства. А это уже немало, поскольку до тех пор он не знал о себе почти ничего, не ведал, кто он и что он.

У него не осталось почти никаких воспоминаний о том, что было в его жизни до двенадцати лет.

Только кошмар.

Кошмар, повторяющийся снова и снова.

Цирк. Его мать, совсем крошечная – меньше всех прочих женщин. Ужасный смех. Музыка с карусели. Басовитый, неумолчный звериный рык.

Клоун.

Огромный клоун, который дал ему денег, а потом сделал ему очень больно.

Сипящий клоун, чье дыхание отдавало рвотой.

И слова. В кошмаре они звучали отчетливей некуда – как острые осколки льда, разбитого о камень.

«Это наш секрет. Скажешь кому, я тебе язык вырву и тигру скормлю».

Часть первая

Невозможное убийство

Глава 1

Тень смерти

В сельской глуши расположенных к северу от Нью-Йорка Катскильских гор август месяц выдался переменчивым и своенравным, все метался между солнечным блаженством июля и свинцовыми шквалами грядущей долгой зимы.

Такой месяц у кого угодно притупит ощущение времени и пространства. Погода словно бы подпитывала внутренний разлад Дэйва Гурни, его неуверенность насчет собственного места в жизни – разлад, что начался три года назад, когда Дэйв ушел из Департамента полиции Нью-Йорка, и усилился, когда они с Мадлен переехали из города, где оба росли, учились и работали, в сельскую местность.

И вот сейчас, в первую неделю августа, когда близился пасмурный вечер, а вдалеке рокотал гром, Дэйв с Мадлен поднимались на Барроу-хилл по грязной разбитой дороге, что соединяла меж собой три небольшие каменоломни, давным-давно заброшенные и поросшие дикой малиной. Устало плетясь за Мадлен к невысокому валуну, где они обычно останавливались передохнуть, он старался по мере сил следовать извечному ее совету: *«Смотри по сторонам. Тут так красиво. Расслабься и впитывай красоту»*.

– Каровое, да? – спросила она.

Гурни захлопал глазами.

– Что?

– Да озеро же.

Мадлен кивнула на глубокий спокойный водоем более или менее правильной округлой формы, образовавшийся на месте выработанного много лет назад карьера. Он тянулся от того места у тропы, где они сидели, до полосы водолюбивых ив на другом берегу – зеркальная гладь футов около двухсот в поперечнике, с почти фотографической точностью отражающая плакучие ветви деревьев.

– Каровое?

– Я тут прочла дивную книгу о пеших прогулках в шотландских горах, – с энтузиазмом отозвалась Мадлен, – так там автор то и дело натывается на «каровые озера». У меня сложилось впечатление, это что-то вроде озера среди скал.

– Хм-хм.

Повисла долгая пауза. И снова Мадлен первой нарушила молчание:

– Видишь вон там, внизу? По-моему, курятник надо строить именно там, прямо рядом с аспарагусом.

Гурни понуро разглядывал отражения ив. Подняв голову, он увидел, что Мадлен показывает просвет в лесу чуть ниже по склону. Когда-то там пролегала просека, по которой возили бревна.

Одной из причин для остановки передохнуть именно у валуна на краю старой каменоломни было то, что за всю дорогу только отсюда и открывался вид на их владения. Старый фермерский дом, клумбы, яблони-переростки, маленький прудик, недавно отстроенный амбар, неухоженные пастбища на склонах холма (поросшие в это время года ваточником и рудбекией), тот кусочек пастбища, который Дэйв с Мадлен подстригали и называли газоном, да выкошенную широкую полосу по самому низу, они величали ее подъездной аллеей. Примостившись на валуне, Мадлен неизменно радовалась этой картине в роскошном обрамлении окрестных лесов.

Гурни не разделял восторгов жены. Мадлен обнаружила это место вскоре после переезда, и в первый же раз, как она показала его Гурни, у того возникла одна лишь ассоциация: находка для снайпера, вздумавшего подстрелить кого-нибудь на входе в дом. (Ему достало ума

не делиться этой мыслью с женой. Она три дня в неделю работала в местной психиатрической клинике: не хватало только, чтобы она решила, будто его пора лечить от паранойи.)

Разговор о курятнике – насущная необходимость его постройки, размеры и конструкция, а также место расположения – возникал у них каждый день, к очевидной радости Мадлен и умеренному раздражению Дэйва. По настоянию Мадлен в конце мая они купили четырех кур и пока держали в амбаре, но мысль переселить их на новые квартиры никуда не делась.

– Можно построить отличный курятничек с загончиком между аспарагусом и яблоней, тогда в жаркие дни у них там будет тень, – предложила Мадлен.

– Давай.

Ответ прозвучал безразличнее, чем Дэйву хотелось бы.

Тут разговор и омрачился бы, не отвлекись Мадлен. Она вскинула голову.

– Что такое? – спросил Гурни.

– Прислушайся.

Он замер – дело для него нередкое. Сам он был наделен совершенно обыкновенным слухом, а вот Мадлен – феноменальным. Через несколько секунд, когда шорох ветра в листве затих, Гурни различил где-то вдали, ниже по холму, скорее всего, на ведущей из города дороге, что заканчивалась тупиком у начала их «подъездной аллеи», смутный гул. Постепенно гул усилился, и он распознал характерное урчание не в меру большого и не в меру шумного восьмцилиндрового мотора.

Он знал человека, который ездил на старом «маслкаре» с точно таким же шумным мотором – переделанном красном «Понтиаке» 1970 года выпуска. Человека, для которого этот треск двигателя служил визитной карточкой.

Джек Хардвик.

Гурни стиснул зубы. Предстоящий визит детектива, с которым его связывала причудливая цепочка пережитых вместе опасностей, профессиональных успехов и постоянных пикировок, не радовал. Не то чтобы такой поворот событий застал Гурни врасплох. В сущности, он ожидал этого с той минуты, как услышал, что Хардвика вынудили уволиться из государственного полицейского бюро криминальных расследований. Гурни понимал: напряжение, испытываемое им сейчас, напрямую связано с тем, что случилось до увольнения Хардвика. Он в большом долгу перед Хардвиком, теперь придется платить по счетам.

Череда низких темных туч быстро скользила над дальним гребнем, словно отступая перед свирепым ревом красного автомобиля. С того места, где сидел Гурни, уже видно было, как машина движется вверх по склону через скошенный луг к дому. На миг Гурни завладело искушение: просто-напросто пересидеть на холме, пока Хардвик не уедет. Но это ведь делу не поможет, лишь удлинит период тоскливого ожидания неминуемой встречи. Решительно хмыкнув, он поднялся с камня.

– Ты его ждал? – спросила Мадлен.

Гурни удивился, что она помнит машину Хардвика.

– Такой рев не забудешь, – пояснила она, словно бы прочтя по лицу мужа его мысли.

Гурни посмотрел вниз. «Понтиак» остановился рядом с его запылившимся «универсалом» на крохотной самодельной парковке рядом с домом. Могучий мотор неистово взревел, когда ему поддали газу, перед тем как выключить.

– Ждал, в общем. Но не обязательно сегодня.

– А сам-то ты хочешь с ним повидаться?

– Я бы сказал, это он хочет увидаться, а мне хочется поскорее с этим покончить.

Мадлен кивнула и поднялась.

Когда они повернули обратно на тропу, зеркальная гладь озера задрожала под порывом внезапного ветра. Перевернутое отражение неба и деревьев разбилось на тысячи мелких серых и зеленых осколков.

Если бы Гурни верил в предзнаменования, то сказал бы, пожалуй, что разбившееся отражение предвещает беду.

Глава 2

Мразь земли

На полпути к Барроу-хилл, в лесу, откуда дом уже не был виден, у Гурни зазвонил телефон. Он узнал номер Хардвика.

- Привет, Джек.
- Обе ваши машины на месте. Прячетесь в подвале?
- Спасибо, у меня все хорошо. А ты как?
- Где ты, черт побери?
- Иду через вишневую рощу, в четверти мили к западу от тебя.
- По тому склону, где листья от клеща жухнут?

Хардвик всегда умел задеть Гурни за живое. И дело было не просто в беспрестанных мелких уколах и выпадах, и даже не в том, с каким явным удовольствием Хардвик отпускал эти замечания. Нет, это было злое эхо голоса из детства Гурни – безжалостного, язвительного тона отца.

- Ага, по тому самому. Чем могу служить, Джек?

Хардвик кашлянул, прочищая горло.

– Весь вопрос в том, чем мы оба можем друг другу услужить, – с омерзительным пылом откликнулся он. – Ты мне, я тебе, как-то так. Кстати, я заметил, у тебя дверь не заперта. Не против, если я подожду в доме? Чертова мошकारа вконец задрала.

Хардвик стоял посередине просторной комнаты, занимавшей добрую половину нижнего этажа. Вдоль стены была устроена кухня в деревенском духе. В закутке рядом с застекленной двойной дверью стоял круглый сосновый стол, за которым они завтракали. Другая половина комнаты была отведена под гостиную. Здесь главенствовал массивный камин, и еще имелась дровяная печка. По центру стоял обеденный стол в шейкерском стиле и с полдюжины деревянных стульев.

Первое, что поразило Гурни, едва он вошел в комнату, – какое-то странное, потерянное выражение на лице Хардвика.

Даже насмешливый возглас, которым он их приветствовал, звучал чуточку вымученным:

- А где же наша несравненная Мадлен?

– Я здесь, – отозвалась та, с приветливой и в то же время встревоженной улыбкой выходя из кладовки и направляясь к раковине. В руках она держала букетик только что сорванных на лугу цветов, что-то вроде маленьких астрочек. Положив их в сушилку для посуды, она посмотрела на мужа. – Оставлю пока здесь. Найду вазу попозже. Мне надо наверх – пора упражняться.

Когда шаги ее стихли, Хардвик усмехнулся и прошептал:

- Упражнения – путь к совершенству. И в чем она упражняется?
- Виолончель.

- А. Ну да, конечно. А знаешь, за что все так любят виолончель?

- За то, что красиво играет?

– Ах, малыш Дэйви, типичный ответ в стиле «все всерьез, без дураков», какими ты и знаменит. – Хардвик облизал губы. – Но знаешь, почему именно она красиво играет?

- А попроще сказать слабо?

– И лишить тебя возможности разгадать великолепную загадку? – Он театрально покачал головой. – Да ни в жизнь! Гениям вроде тебя необходимо напрягать мозги. А то прямиком на помойку.

Глядя на Хардвика, Гурни начал потихоньку понимать, что именно с ним сегодня не так. Под покровом язвительной болтовни – обычной манеры Хардвика общаться с миром – чув-

ствовало непривычное напряжение. Он всегда был резковат, но сегодня в его голубых глазах Гурни читал скорее нервозность, чем резкость. Что-то грядет? Нехарактерное беспокойство Хардвика действовало чертовски заразительно.

Да еще и Мадлен, как назло, выбрала для упражнений особенно дерганую пьесу.

Хардвик бродил по комнате, проводил рукой то по спинкам стульев, то по уголкам столов, растениям в горшках, декоративным плошкам, бутылкам и подсвечникам, купленным Мадлен по сносной цене в местных антикварных лавочках.

– А мне тут нравится! Красота! Чертовски аутентично. – Остановившись, он провел пятерней по рано поседевшим коротко стриженным волосам. – Ты ж понимаешь, о чем я?

– О том, что это чертовски аутентично?

– Глубинка в чистом виде. Погляди только на эту железную печку – сделано в Америке, – она ж насквозь американская, как какие-нибудь чертовы блинчики. А энти вот широкие половицы – прямые и честные, как деревья, из которых вытесаны.

– Эти вот половицы.

– Что-что?

– Не энти, а эти.

Хардвик прекратил рыскать по комнате.

– Ты, черт возьми, о чем?

– Ты просто так приехал или у тебя дело есть?

Хардвик поморщился.

– Ах, Дэйви, Дэйви, деловой, как всегда. Напрочь игнорируешь мои попытки обменяться парой приятных фраз, соблюсти светские приличия, подпустить пару дружеских комплиментов пуританской простоте твоего домашнего убранства...

– Джек...

– Ладно. Дело превыше всего. Где сядем?

Гурни показал на круглый столик рядом с застекленной дверью.

Они уселись друг напротив друга. Гурни выжидающе подался вперед.

Хардвик прикрыл глаза и с силой потер лицо руками, словно пытаясь избавиться от глубоко вьевшегося зуда. Потом положил руки на стол и начал:

– Ты спросил, есть ли у меня дело к тебе. Да, есть. Возможность. Знаешь эти строчки из «Юлия Цезаря» про прилив в делах людей?

– Это о чем?

Хардвик весь подался вперед, словно в этих словах заключалась глубинная тайна жизни.

– «В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха. Когда ж отлив наступит, лодка жизни по отмелям несчастий волочится».

– Ты это специально для меня заучил?

– Со школы помню. Через всю жизнь пронес.

– Что-то никогда от тебя не слышал.

– Просто подходящей ситуации не возникало.

– А теперь?

Уголок рта Хардвика дернулся, как от тика.

– А теперь настал момент.

– Прилив в твоих делах?

– В наших.

– наших с тобой?

– Именно.

Гурни немного помолчал, глядя на возбужденное, озабоченное лицо собеседника. Этот неожиданный облик Джека Хардвика – открытый и серьезный – лишил душевного равновесия куда сильнее, чем извечный его цинизм.

На мгновение воцарилась тишина. Слышалась лишь ломаная мелодия пьесы начала двадцатого века, над которой Мадлен билась всю прошлую неделю.

Губы Хардвика снова чуть заметно дрогнули.

Видеть это во второй раз и ждать, когда они дернутся в третий, было уже совсем невмogu. Для Гурни это означало лишь одно: расплата, которую потребуют от него за многомесячный долг, окажется очень весомой.

– Так ты намерен объяснить, о чем это ты? – спросил он.

– Я о деле по убийству Спалтера. – Последние слова Хардвик подчеркнул с неповторимым сочетанием значимости и презрения. Глаза его были устремлены на Гурни, словно в ожидании должной реакции.

Гурни нахмурился.

– Женщина, застрелившая богатого мужа-политика в Лонг-Фоллсе?

Несколько месяцев назад эта история стала сенсацией.

– Именно.

– Насколько я помню, приговор был стопроцентно обвинительный, без сомнений. Дамочку буквально завалило уликами и показаниями свидетелей. Не говоря уж о маленькой дополнительной детали – ее муж, Карл, скончался во время суда.

– Именно.

К Гурни начали возвращаться подробности.

– Она стреляла в него на кладбище, прямо над могилой матери, верно? Выстрелом его парализовало, превратило в овощ.

Хардвик кивнул.

– Овощ в инвалидном кресле. Овощ, которого обвинение каждый день притаскивало на заседание суда. Омерзительное зрелище. Постоянное напоминание присяжным, что его жену судят за то, что она с ним сотворила. Пока, разумеется, он не помер в разгар процесса, после чего они его привозить перестали. Но процесс продолжили – просто сменили обвинение с покушения на убийство.

– Спалтер ведь был богатым брокером по недвижимости, да? И незадолго до того объявил, что баллотируется в губернаторы как независимый кандидат.

– Ага.

– Против преступности. Против коррупции. Бойкий лозунг. «Пришла пора избавиться от мрази». Что-то такое.

Хардвик подался вперед.

– Точно. Дословно, малыш Дэйви. Он в каждой речи умудрялся вернуть что-нибудь про мразь земли. Каждый раз, чтоб меня. «Мразь земли плавает на поверхности выгребной ямы политической коррупции». Мразь земли то, мразь земли это. Любил Карл подчеркнуть основную идею.

Гурни кивнул.

– Припоминаю, что жена вроде изменяла ему и боялась развода, который вылился бы ей в миллионы, если только муж не умрет раньше, чем изменит завещание.

– Все так, – улыбнулся Хардвик.

– Так? – Гурни недоверчиво уставился на него. – Это и есть та самая неповторимая возможность, о которой ты говорил? Дело Спалтеров? Если ты не заметил, дело Спалтера закончено, закрыто и убрано в архив. Если мне не изменяет память, Кэй Спалтер отбывает свои двадцать пять в тюрьме строгого режима в Бедфорд-Хиллс.

– Чистая правда, – подтвердил Хардвик.

– Тогда о чем, черт возьми, мы толкуем?

Хардвик растянул губы в медленной улыбке, начисто лишенной настоящего веселья, – одна из тех типично драматических пауз, которые он так любил, а Гурни терпеть не мог.

– Мы говорили о том, что... дамочку подставили. Обвинение против нее – бред собачий, от начала и до конца. Чистейший... незамутненный... бред. – Снова то же подрагивание уголков губ. – Суть такова: речь идет о том, чтобы снять с нее обвинение.

– Откуда ты знаешь, что это все бред?

– Ее подставили. Коп попался нечестный.

– Откуда ты знаешь?

– Я вообще много чего знаю. И мне много чего рассказывают. У того копа есть враги – и не без причины. Он не просто нечестный, он настоящая дрянь. Законченный сукин сын.

Гурни никогда еще не видел в глазах Хардвика столько ярости.

– Отлично. Скажем, ее подставил нечестный коп. Скажем даже, она ни в чем не виновата. Какое это имеет отношение к тебе? Или ко мне?

– Помимо такой мелочи, как правосудие?

– Что-то выражение твоих глаз к правосудию никакого отношения не имеет.

– Еще как имеет. Самое прямое, и именно к правосудию. Система меня поимела. Так что теперь я хочу поиметь систему. Честно, законно и исключительно на стороне справедливости. Они меня выставили, потому что всегда хотели. Я самую малость налажал с теми документами по делу о Добром Пастыре, которые передавал тебе. Обычное бюрократическое дерьмо, а этим гадам только дай предлог, тотчас же ухватились.

Гурни кивнул. Он все гадал, всплывет ли в разговоре этот долг – полученная им выгода, понесенный Хардвиком убыток. Что ж, можно больше не гадать.

Хардвик продолжил:

– Так что теперь я начинаю свое дело как частный детектив. По найму. И моей первой клиенткой будет как раз Кэй Спалтер – через адвоката, который занимается ее апелляцией. Так что моя первая победа должна наделать шума.

Гурни помолчал, обдумывая услышанное.

– А я?

– Что?

– Ты сказал, это шанс для нас обоих.

– Так и есть. Для тебя эта история может стать венцом, чтоб ее, карьеры. Прими участие в деле, порви его на куски и сложи снова в правильном порядке. Дело Спалтеров было сперва преступлением десятилетия, а потом – подставой века. Ты разберешься в нем, выправишь, а заодно надерешь задницы кое-каким ублюдкам. И сделаешь еще одну зарубку на прикладе, Шерлок. Здоровенную, твою мать, зарубку.

Гурни медленно кивнул.

– Идет, но... ты же приехал в эту даль не только для того, чтобы дать мне возможность надрать ублюдкам задницы. Почему ты хочешь привлечь именно меня?

Хардвик пожал плечами и набрал в грудь побольше воздуха.

– По массе самых разных причин.

– И самая главная?

Похоже, Хардвику впервые стало трудно подобрать слова.

– Чтоб ты помог мне повернуть ключ на четверть оборота и заключить сделку.

– Так никакой сделки еще нет? Мне казалось, ты сказал, Кэй Спалтер – твоя клиентка.

– Я сказал – она станет моей клиенткой. Только сперва требуется уладить кое-какие юридические мелочи.

– Мелочи?

– Поверь мне, все схвачено, надо просто нажать на правильные кнопки.

Снова нервное подергивание. У Гурни у самого челюсти сжались.

– Кэй Спалтер представлял в суде назначенный сверху осел, – торопливо продолжал Хардвик. – Технически он все еще остается ее поверенным, а это ослабляет аргументы для

пересмотра приговора, сами по себе очень даже весомые. Одна из потенциальных пуль в обойме на апелляцию – это некомпетентность защиты, но не может же он сам про себя такое заявлять. Нельзя же сказать судье – освободите моего клиента, потому что я облажался. Такое должен говорить кто-то другой. Неписанные правила. Так что основная идея...

Гурни не выдержал.

– погоди! У семьи же денег куры не клюют. С какой радости вдруг государственный защитник?

– Денег у них и впрямь уйма. Беда в том, что все записано на имя Карла. Он все контролировал. Нетрудно догадаться, что за тип он был. Кэй жила на широкую ногу, а за душой у нее – ни гроша. На деле, она неплатежеспособна. Вот и получила государственного адвоката, как все неимущие. Не говоря уже о тощем бюджете на накладные расходы. Ну и вот, как я уже сказал, – ей нужен новый представитель. У меня есть подходящая кандидатура, уже все устроено, точит зубы. Ловкий, изворотливый, беспринципный сукин сын – вечно голодный. Ей только и нужно подписать пару бумаг, чтобы оформить замену официально.

Гурни гадал, не ослышался ли.

– И ты ждешь, что я продам ей эту идею?

– Нет-нет! Ничего подобного! Никому ничего продавать не надо! Мне просто хотелось бы, чтобы ты стал частью общей картины.

– Какой еще частью?

– Крутой детектив из большого города, спец по убийствам. Масса раскрытых дел и до хрена всяких регалий. Тот самый, кто вывернул дело Доброго Пастыря наизнанку и повытряс дерьмо из всех этих козлов.

– То есть ты хочешь, чтобы я сыграл для тебя с этим «беспринципным сукиным сыном» роль вывески?

– Ну, он не то чтоб совсем беспринципный. Скорее... напористый. Умеет работать локтями. И нет, ты не будешь ни для кого «просто вывеской». Ты будешь одним из игроков. Членом команды. Одной из причин, по которым Кэй Спалтер стоит нанять нас, чтобы провести повторное расследование, подстегнуть апелляцию и пересмотреть чертов приговор.

Гурни покачал головой.

– Что-то не догоняю. Если с самого начала денег на крутого адвоката не было, откуда теперь-то возьмется?

– С самого начала, учитывая весомость обвинения, у Кэй особых надежд не было. А если она проигрывает, у нее нет денег, чтобы заплатить по счетам.

– Но теперь...

– Теперь дело другое. Ты, я и Лекс Бинчер об этом позаботимся. Поверь мне, она выиграет, а плохим парням останется только проглотить пилюлю. А когда ее оправдают, она получит огромный куш как основная наследница Карла.

– Выходит, этот твой Бинчер работает над криминальным случаем с оплатой по результату? Разве это не против закона – или, по крайней мере, этики?

– Да ну брось. В соглашении, которое она подпишет, так прямо о гарантиях результата ничего не говорится. Ты, конечно, можешь сказать, что гонорар Лекса вроде как зависит от успеха апелляции, но текст соглашения никакой такой связи не предусматривает. Если апелляция провалится, с точки зрения закона Кэй просто останется должна ему кучу денег. Не бери в голову. Это проблема Лекса. Кроме того, апелляция не провалится!

Гурни откинулся назад, глядя через открытую дверь на заросли аспарагуса в дальнем конце вымощенного голубоватым песчаником старого дворика. В этом году побеги вымахали гораздо выше, чем в прошлые два. Пожалуй, высокий человек мог бы стоять там, выпрямившись во весь рост, и остаться незамеченным. Обычно голубовато-зеленые, сейчас, под серым

неспокойным небом, листья аспарагуса словно выцвели и покачивались в порывистом ветерке, непредсказуемо налетавшем то с одной, то с другой стороны.

Гурни сморгнул, с силой потер лицо обеими руками и попытался сосредоточиться на том, как бы распутать весь этот тягучий клубок проблем, выявив основные составляющие.

Насколько он мог судить, его просили запустить в плавание новый детективный бизнес Хардвика – помочь тому заключить первое крупное соглашение с клиентом. Вот это и станет платой за все маленькие услуги в обход правил, которые Хардвик оказывал ему в прошлом – ценой своей полицейской карьеры. Тут, по крайней мере, все ясно. Однако было, о чем подумать и кроме этого.

Одной из характерных черт Хардвика была невозмутимость из разряда «а там хоть трава не расти», проистекающая из полного отсутствия привязанностей или строго определенной цели. И все же сейчас он явно уцепился за свой новый проект и предвкушал прибыль, которую этот проект сулил. Перемена, пожалуй, не к лучшему. Каково-то будет работать с Хардвиком, одержимым этой новой идеей, – с прежней ершистостью, поставленной отныне на службу обиженной воинственности?

Он перевел взгляд с покачивающихся побегов аспарагуса на лицо Хардвика.

– Так что же это значит, Джек, – «член команды»? Что от меня требуется, кроме как с умным видом бренчать медалями?

– Да чем, черт побери, захочешь, тем и занимайся. Послушай, я же тебе говорю. Обвинение было насквозь гнилым с самого начала. Если в итоге всего этого старший следователь не загремит в Аттику, я... я, черт возьми... заделаюсь веганом. Стопроцентно гарантирую: во всех фактах и показаниях окажется до черта нестыковок. Их, твою мать, даже в судебных протоколах выше крыши. И, малыш Дэйви, хочешь соглашайся, хочешь – нет, а ты и сам прекрасно знаешь: ни у одного копа нет такого глаза и чутья на нестыковки, как у тебя. Вот и все. Ты мне нужен в команде. Сделаешь это для меня?

«Сделаешь это для меня?» Просьба эхом звучала в голове Гурни. Отказаться он был не в силах. Во всяком случае, сейчас. Он глубоко вздохнул.

– Протоколы заседаний у тебя есть?

– Есть.

– С собой?

– В машине.

– Я... взгляну. Надо прикинуть, куда от них плясать.

Хардвик поднялся из-за стола. Теперь нервозность его больше походила на возбуждение.

– Оставлю тебе еще и копию официального досье по делу. Уйма интересного дерьма. Может оказаться полезным.

– Откуда ты раздобыл досье?

– У меня еще остались кое-какие друзья.

Гурни натянуто улыбнулся.

– Ничего не обещаю, Джек.

– Отлично. Нет проблем. Пойду принесу все из машины. Поизучай на досуге. Посмотрим, что ты скажешь по этому поводу. – Шагая к двери, он остановился и обернулся. – Не пожалеешь, Дэйви. В деле Спалтеров есть все – ужас, ненависть, гангстеры, безумие, политика, крупные деньги, крупная ложь и, возможно, капелька инцеста. Тебе, черт возьми, понравится!

Глава 3

Что-то в лесах

Мадлен приготовила незамысловатый ужин, и они поели довольно быстро, почти не разговаривая. Гурни ожидал, что она втянет его в утомительное обсуждение встречи с Хардвиком, но она задала лишь один вопрос:

– Что ему от тебя надо?

Гурни описал ситуацию с некоторыми подробностями – само дело Кэй Спалтер, новое положение Хардвика как частного детектива, его пылкую вовлеченность в пересмотр приговора Кэй, просьбу о помощи.

Мадлен в ответ только легонько кивнула и еле слышно хмыкнула. Поднявшись, она собрала со стола посуду, унесла ее к раковине, помыла, сполоснула и поставила в сушилку. Потом взяла из буфета большой кувшин и полила растения, стоявшие на сосновом столе под окнами кухни. Она не затрагивала щекотливую тему, но с каждой минутой Гурни все сильнее и сильнее подмывало добавить еще несколько слов, что-то объяснить, оправдаться. Когда он уже готов был заговорить сам, Мадлен предложила прогуляться к пруду.

– Слишком хороший вечер, чтобы дома сидеть.

«Хороший» – пожалуй, не то слово, какое сам Гурни употребил бы по отношению к этому вечеру с переменчивым небом и чередой туч. Но он удержался и не стал возражать, а прошел за Мадлен в прихожую, где она надела одну из своих нейлоновых ветровок яркой тропической расцветки, а он натянул зеленовато-желтый кардиган, служивший ему верой и правдой уже чуть ли не двадцать лет.

Мадлен, как всегда, посмотрела на него, скептически сощурившись.

– Надеешься сойти за чьего-то дедушку?

– В смысле – за человека надежного, внушающего доверие и располагающего к себе?

Она иронически приподняла бровь.

Больше они не говорили, пока не прошли через луг и не уселись на старой деревянной скамейке около пруда. Если не считать просвета напротив скамейки, берега пруда заросли высоким камышом, где с мая по середину июля гнездились красноплечие трупиялы, реагирующие на вторжение чужаков агрессивными криками и пикирующими налетами. К началу августа птицы исчезали.

– Пора бы нам время от времени срезать тут камыш, – заметила Мадлен, – а не то весь пруд затянет.

Каждый год кольцо камышей становилось толще, вторгалось в воду чуть дальше. Как уже выяснил Гурни, выкорчевывать их было занятием грязным, утомительным и тоскливым.

– Ага, – понуро отозвался он.

Вороны в кронах деревьев на краю луга галдели вовсю – резкий неумолчный грай, каждый вечер достигавший пика к закату и быстро сходивший на нет по наступлении сумерек.

– И с этой штукой надо бы что-то сделать. – Мадлен показала на покосившуюся ветхую шпалеру, которую предыдущий владелец установил в начале тропинки, идущей вокруг пруда. – Но с этим придется подождать, пока не построим курятник с большой вольерой. Курам же надо и побегать, не сидеть же им все время в темном сарае.

Гурни промолчал. В сарае имелись окна, а внутри было не так уж темно – но эта линия аргументации гарантированно ни к чему бы не привела. Да, сарай был меньше прежней постройки, сгоревшей в загадочном пожаре несколько месяцев назад посреди расследования дела Доброго Пастыря, но уж точно достаточно просторным для петуха и трех несушек. Однако в глазах Мадлен замкнутые помещения годились, в лучшем случае, на роль временного пристанища, а открытое пространство приравнивалось к раю. Ясно было: она сочувствует курам

в их мнимом заточении и убедить ее, что в сарае им вполне хорошо, столь же нереально, как уговорить самой там поселиться.

Кроме того, они пришли к пруду не для того, чтобы обсуждать камыши, шпалеры или кур. Наверняка она вот-вот снова поднимет тему Джека Хардвика. Гурни начал уже выстраивать линию доводов в обоснование своего потенциального участия в деле.

Она спросит, неужели он и на своей так называемой пенсии возьмется за очередное полномасштабное расследование убийства, а если да, то зачем вообще было выходить в отставку?

Он снова объяснит, что Хардвика уволили из нью-йоркской полиции за помощь Гурни в деле Доброго Пастыря, так что теперь помочь ему – вопрос элементарной справедливости. Взял в долг – плати.

Она укажет, что Хардвик сам виноват, что его уволили, – погубила его не передача нескольких секретных документов, а долгая история неподчинения и непочтительности, подростковая тяга уязвить эго начальства. Такое поведение сопряжено с очевидным риском, вот топор наконец и упал.

Он возразит расплывчатым доводом о долге дружбы.

Она отметит, что они с Хардвиком никогда не были настоящими друзьями – просто вечно пикирующими коллегами, у которых время от времени совпадали интересы.

Он напомнит ей об уникальных узах, связавших их много лет назад в деле Питера Пиггерта, когда они в один и тот же день нашли по половине тела миссис Пиггерт – на расстоянии нескольких сотен миль.

Она покачает головой и сведет «узы» до гротескного совпадения в прошлом – жалкого основания для действий в настоящем.

Гурни откинулся на расслаивающуюся деревянную спинку скамьи и посмотрел вверх, на слоистое небо. Возможно, он и не жаждал пикировки, но хотя бы чувствовал, что готов к ней. Над головой стремительно, словно опаздывая на ночлег, пролетело несколько мелких птиц, то парами, то поодиночке.

Однако когда Мадлен наконец заговорила, то совсем иным тоном, чем ожидал Гурни, совсем в другом ключе.

– Ты ведь понимаешь, что он совершенно одержим, – то ли констатировала, то ли спросила она, глядя на пруд.

– Ну да.

– Одержим тем, как бы отомстить.

– Возможно.

– Возможно?

– Ну ладно. Скорее всего.

– Ужасный мотив.

– Я это понимаю.

– А понимаешь, что это делает его версию событий недостоверной?

– Я вовсе не собираюсь принимать его версию. Ни в чем. Не настолько уж я наивен.

Мадлен посмотрела на него и снова уставилась на пруд. Некоторое время оба молчали.

Гурни ощутил холодок в воздухе – сырой, земляной холодок.

– Тебе стоило бы поговорить с Малькольмом Кларетом, – буднично сказала Мадлен.

Гурни замигал, повернулся и уставился на нее.

– Что?

– Перед тем как впутаться в это, тебе надо поговорить с ним.

– Какого черта?

К Кларету он испытывал смешанное чувство: не потому, что имел что-нибудь против него самого или сомневался в его профессиональных способностях, – но воспоминания о прошлых их встречах до сих пор были полны боли и смятения.

- Вдруг он тебе поможет... хотя бы разобраться, почему ты это делаешь.
- Разобраться, почему я это делаю? Что ты имеешь в виду?

Мадлен ответила не сразу. Да и Гурни не настаивал – сам опешив от того, как резко прозвучал его вопрос.

Они уже проходили это, и не раз – вопрос, почему он занимается тем, чем занимается, отчего вообще стал детективом, отчего его всегда влекло именно к убийствам и почему они до сих пор его завораживают. Знакомая почва. Почему же он вдруг так вскинулся?

Высоко в темнеющем небе спешила в какое-то знакомое, а верно, и безопасное место очередная пара птиц – скорее всего, в то место, которое считала домом.

– Не возьму в толк, что ты имеешь в виду под «почему я это делаю», – добавил он чуть мягче.

- Тебя столько раз могли убить.

Он чуть отодвинулся.

- Когда имеешь дело с убийцами...

– Пожалуйста, не надо, – перебила она, поднимая руку. – Хватит уже разглагольствовать об Опасной Профессии. Мы говорим не о том.

- Тогда о чем...

– Ты самый умный человек, какого я только знаю. Самый. Все эти возможности, подходы, версии – никто не разбирается в этом лучше или быстрее тебя. И все-таки...

Голос ее задрожал и умолк.

Гурни выждал долгих десять секунд, прежде чем мягко напомнить:

- И все же...

Прошло еще секунд десять, прежде чем она продолжила.

– И все же... почему-то... три раза за последние два года ты оказывался лицом к лицу с вооруженным психом... в трех разных ситуациях. И каждый раз – на волосок от смерти.

Он промолчал.

Она печально глядела куда-то за пруд.

- Неправильная какая-то картина получается.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы ответить.

- Думаешь, я ищу смерти?

- А ты ищешь?

- Ну разумеется, нет.

Она все так же смотрела прямо перед собой.

На лугу и в лесах на склоне холма за прудом уже начинало темнеть. Золотые пятна крестовника и лавандовые стрелки гадючьего лука уже выцвели, посерели. Мадлен зябко пере-дернулась, застегнула молнию ветровки до подбородка и сложила руки на груди, крепко прижимая к себе локти.

Они долго сидели молча. Разговор словно бы зашел в тупик, покатился под уклон, и неясно было, как выкарабкаться.

Когда посередине пруда замерцало пятнышко дрожащего серебристого света – отражение луны, как раз выбившейся в просвет между туч, – из глубины лесов за скамьей донесся звук, от которого волоски на руках у Гурни встали дыбом, – пронзительная, заунывная нота, вопль нечеловеческого отчаяния.

- Что за...

– Я такое уже слышала, – с легкой тревогой в голосе промолвила Мадлен. – С разных сторон, ночь на ночь не приходится.

Гурни выждал, прислушиваясь. Минуту спустя крик повторился – нездешний, тоскливый.

- Наверное, сова, – сказал Гурни без малейших оснований для этого вывода.

Он не стал говорить, что для него это прозвучало криком заблудившегося ребенка.

Глава 4

Абсолютное зло

Было уже за полночь, а Гурни все так и не удавалось уснуть – как будто он выпил пять-шесть чашек кофе.

Луна, ненадолго выглянувшая над прудом, исчезла за толщей облаков. Оба окна наверху были открыты, впуская в комнату сырой холодок. Темнота и липнувший к коже влажный воздух обволакивали, точно коконом, исподволь навевали сосущую клаустрофобию. В этом тесном, гнетущем пространстве невозможно было отгонять прочь неуютные мысли о временно отложенном, но вряд ли законченном разговоре с Мадлен про его тягу к смерти. Однако мысли эти были напрасны и не приводили ни к каким выводам. От разочарования Гурни решил вылезти из постели и подождать, пока глаза не начнут слипаться сами собой.

Поднявшись, он на ощупь пробрался к креслу, на котором оставил штаны и рубашку.

– Раз уж ты встал, закрой окна наверху.

Голос Мадлен с другой стороны кровати звучал на удивление бодро, совсем не сонно.

– Зачем?

– Гроза. Разве не слышишь, гром приближается?

Он не слышал. Но доверял ее слуху.

– Может, тогда еще и в спальне закрыть?

– Пока не надо. Воздух как атлас.

– Хочешь сказать – как сырой атлас?

Он услышал, как Мадлен вздыхает, взбивает подушку и укладывается поудобнее.

– Сырая земля, сырая трава, так хорошо...

Она с тихим умиротворением зевнула и умолкла. Поразительно, как она умела черпать источник новых сил в той самой стихии, от которой он инстинктивно бежал.

Гурни натянул штаны и рубашку, поднялся наверх и закрыл окна в двух гостевых спальнях и в комнате, которую Мадлен отвела под вышивание, вязание и игру на виолончели. Снова спустившись вниз, в кабинет, он взял пластиковый пакет с привезенными Хардвиком материалами по делу Спалтеров и притащил на обеденный стол.

Пакет оказался на удивление тяжелым. Точно недвусмысленное предостережение.

Гурни начал раскладывать содержимое пакета на столе, но потом, вспомнив, как недовольна была Мадлен, когда он в прошлый раз занял стол бумагами по делу об убийстве, притащил все на кофейный столик перед камином в другом конце комнаты.

В число бумаг входили полные протоколы заседаний суда «Штат Нью-Йорк против Кэтрин Р. Спалтер», досье следственного управления нью-йоркской полиции по убийству Спалтера (включая оригинал многостраничного отчета о происшествии с фотографиями и схемами, составленная оперативной группой по сбору доказательств опись всего найденного на месте убийства, отчеты лаборатории судебной экспертизы, отчеты по допросам свидетелей, отчеты по ходу следствия, отчеты и фотографии по результатам вскрытия, отчет баллистической экспертизы и гора всевозможных памятных записок и записей телефонных разговоров), список ходатайств, предъявленных до судебного разбирательства (все крайне поверхностные, скопированные на скорую руку из руководства по ходатайствам по делу о тягчайших преступлениях) и принятых по этим ходатайствам решений (все отклонены), папка со статьями, распечатками из блогов, стенограммами новостных передач и списком ссылок на онлайн-овое освещение преступления, ареста и суда; конверт из темной бумаги с комплектом DVD с самого суда, обеспеченным местной студией кабельного телевидения, которой, судя по всему, был дан допуск на заседания. И, наконец, записка от Джека Хардвика, нечто вроде дорожной

карты: намеченный им маршрут через устрашающую грудку информации, расстеленной сейчас на кофейном столике.

У Гурни эта записка вызвала смешанные чувства. Положительные – поскольку указания и расставленные приоритеты могут сберечь время. И не такие положительные – поскольку они могут оказаться манипулятивны. Или и то, и другое сразу. Однако игнорировать их было никак нельзя – как и первые пару фраз записки Хардвика.

«Следуй по расставленным мной вешкам. Сойдешь с тропы – потонешь в болоте дерьма».

Дальше шли пронумерованные шаги маршрута – на целых два листа.

«Шаг первый. Вкуси аромат дела против Кэй Спалтер. Возьми из конверта DVD с пометкой „А“ и насладись вступительным словом прокурора. Классика жанра».

Гурни принес из кабинета лэптоп и вставил туда диск.

Как и многие другие виденные им записи из зала суда, эта начиналась с кадров, где прокурор стоит перед судейским столом лицом к присяжным: невысокий человечек лет сорока с небольшим, с короткими темными волосами.

Слышался шелест бумаг, скрип стульев, неразборчивый гул голосов, кашель – почти все смолкло после нескольких резких ударов судейского молотка.

Прокурор откашлялся и бросил взгляд на судью, коренастого чернокожего мужчину с кислым лицом. Тот небрежно кивнул. Прокурор глубоко вздохнул, на несколько секунд потупил глаза, а затем поднял взгляд на присяжных.

– ЗЛО, – наконец провозгласил он зычным голосом и выждал, пока не воцарится абсолютная тишина, после чего продолжил: – Мы все считаем, будто знаем, что такое зло. Учебники истории и сводки новостей полны злых поступков, злых мужчин и злых женщин. Но деяние, что сейчас откроется пред вами, свершенное безжалостной хищницей, которой вы вынесете приговор в конце суда, прольет на понятие зла новый свет, и вы глубже поймете суть этого понятия.

Он еще немножко поглядел на пол, а потом снова продолжил:

– Это подлинная история женщины и мужчины, жены и мужа, хищницы и жертвы. История брака, отравленного изменой. История человекоубийственного замысла – покушения на убийство, результат которого, как вы убедитесь, оказался еще хуже собственно убийства. Вы не ослышались, дамы и господа. Хуже убийства.

После паузы, во время которой прокурор, похоже, пытался заглянуть в глаза как можно большему числу присяжных, он повернулся и прошел назад к столу обвинения. Прямо за столом, перед местами, отведенными для публики, сидел мужчина в громоздком инвалидном кресле – изощренном механизме, напомнившем Гурни приспособления, в каких изредка появлялся на людях Стивен Хокинг, парализованный и лишенный речи физик. Кресло, по всей видимости, поддерживало все части тела пациента, в том числе и голову. К носу тянулись кислородные трубки, другие трубки, спрятанные от посторонних взглядов, несомненно, вели и в другие места.

Хотя угол съемки и освещение оставляли желать лучшего, изображение на экране передавало состояние Карла Спалтера вполне наглядно, и Гурни поморщился. Оказаться вот так парализованным, запертым в немом неподвижном теле, не способном ни мигнуть, ни кашлянуть... не захлебываться слюной лишь благодаря специальному механизму... Боже! Все равно что быть похороненным заживо, когда тело становится твоей могилой. Томиться в западне полумертвой плоти и костей. Гурни пробрал приступ запредельной, жуткой клаустрофобии. Передержавшись от одной мысли об этом, он увидел, что прокурор снова обращается к жюри, простирая руку к человеку в инвалидном кресле.

– Трагическая история, ужасное завершение которой и привело нас сегодня в суд, началась ровно год назад, когда Карл Спалтер принял отважное решение баллотироваться в губер-

наторы – поставив перед собой идеалистическую цель раз и навсегда избавить наш штат от организованной преступности. Похвальная цель, но его жена – подсудимая – с самого начала выступала против, поддавшись чужому тлетворному влиянию, о котором вы узнаете в ходе слушания. С того самого мига, как Карл вступил на поприще служения обществу, жена не только публично высмеивала его и делала все, что было в ее силах, лишь бы пригасить его пыл, но также прервала все супружеские контакты с ним и начала изменять ему с другим – ее так называемым «личным тренером». – На этих словах он приподнял брови, адресуя присяжным хмурую улыбку. – Обвиняемая проявила поистине дьявольскую целеустремленность в том, чтобы добиваться своего – любой ценой. Когда слухи о ее неверности достигли Карла, сперва он не хотел верить, однако в результате вынужден был серьезно поговорить с ней. Он сказал жене, что она должна сделать выбор. Что ж, дамы и господа, она свой выбор сделала. Вы услышите убедительнейшие показания касательно этого выбора – а именно, установления контакта с представителем преступного мира Джакомо Флатано, иначе говоря Джимом Флэтсом, и предложения пятидесяти тысяч долларов за убийство мужа.

Прокурор помолчал и обвел присяжных многозначительным взглядом.

– Она решила, что оставаться в браке больше не хочет – но и денежки Карла терять не хочет тоже, – и попыталась нанять убийцу. Однако тот отказался от предложения. Что же подсудимая сделала тогда? Попыталась подбить на убийство своего любовника, личного тренера, прельщая его перспективами беззаботной жизни где-нибудь на тропическом острове на деньги, которые она унаследует после смерти Карла – потому что, дамы и господа, Карл все еще надеялся наладить отношения и не изменил завещания.

Он простер руки к присяжным, словно моля их о сострадании.

– Карл все еще надеялся спасти брак. Надеялся остаться с женой, которую по-прежнему любил. А чем же в это время занималась жена? Сговаривалась сперва с гангстером, потом со своим грошовым Ромео – убить мужа. Каким нужно быть человеком?

Откуда-то из-за пределов видимости камеры послышался новый голос, тоненький и нетерпеливый:

– Возражение! Ваша честь, эмоциональные домыслы мистера Пискина не имеют никакого...

– Каждое сказанное мной слово будет подкреплено показаниями под присягой, – хладнокровно прервал его прокурор.

Щекастый судья из верхнего угла экрана пробормотал:

– Отклоняется. Продолжайте.

– Благодарю, ваша честь. Как я уже говорил, подсудимая буквально из кожи вон лезла, чтобы убедить юного любовника убить ее мужа. Однако он отказался. И отгадайте, что предприняла подсудимая тогда? Что, по-вашему, сделает в такой ситуации человек, твердо решившийся на убийство?

Он добрых пять секунд испытующе смотрел на присяжных и лишь потом ответил на собственный же вопрос:

– Мелкий бандит побоялся стрелять в Карла Спалтера. «Личный тренер» побоялся стрелять в Карла Спалтера. *Так что Кэй Спалтер начала сама брать уроки стрельбы!*

Закадровый голос снова возопил:

– Возражение! Ваша честь, употребление оборота «так что» подразумевает наличие у подзащитной мотива. Никакого мотива тут не...

Прокурор снова перебил:

– Ваша честь, я изменю формулировку лишь на основании подтвержденных неоспоримыми доказательствами фактов. Бандит отказался стрелять в Карла. Тренер отказался стрелять в Карла. *И в этот момент обвиняемая сама начала брать уроки стрельбы.*

Судья слегка поменял положение своего массивного корпуса в кресле. Было видно, что ему чисто физически неудобно.

– Занесите в протокол утверждение мистера Пискина в переформулированном виде. Продолжайте.

Прокурор повернулся к присяжным.

– Обвиняемая не просто начала брать уроки стрельбы, вы услышите показания сертифицированного инструктора о том, каких высот она достигла в этом искусстве. Что и приводит нас к трагической кульминации истории. В конце ноября скончалась мать Карла Спалтера, Мэри Спалтер. Она умерла в одиночестве в результате несчастного случая, какие, увы, случаются слишком часто – упала в ванной комнате дома престарелых, в котором провела последние годы жизни. Во время похорон, состоявшихся на кладбище «Ивовый покой», Карл собрался было произнести несколько слов над ее могилой. Вы увидите, как он сделал пару шагов, внезапно качнулся – и рухнул на землю лицом вниз. Больше он не шевелился. Все подумали, что он просто споткнулся и потерял сознание в результате падения. Лишь несколько секунд спустя кто-то заметил струйку крови у него на голове сбоку – струйку крови из крохотного отверстия в виске. Последующее медицинское обследование подтвердило то, что сразу же заподозрила следовательская группа: в Карла попала пуля, выпущенная из огнестрельного оружия малого калибра и высокой мощности. Полицейские эксперты, реконструировавшие сцену стрельбы, расскажут вам, что пулю выпустили из окна квартиры примерно в пятистах ярдах от жертвы. Вы увидите карты, фотографии и схемы, иллюстрирующие, как именно все произошло. Не останется никаких сомнений, – добавил он с ободряющей улыбкой и, покосившись на часы, продолжил, расхаживая взад-вперед перед скамьей присяжных:

– Этот многоквартирный дом, дамы и господа, принадлежал компании «Спалтер Риэлти». Квартира, откуда стреляли, пустовала: в ней, как и в большинстве квартир этого дома, собирались провести ремонт. Подсудимой было проще простого раздобыть ключи. Но это еще не все. Вы услышите обличительные показания, свидетельствующие, что Кэй Спалтер... – прокурор прервался и указал на женщину, сидевшую за столом защиты вполоборота от камеры, – ...что Кэй Спалтер не только побывала в этом здании утром дня похорон, но и находилась в той самой квартире, откуда был произведен выстрел, ровно в то время, когда пуля попала в Карла Спалтера... Более того, вы услышите свидетельские показания, подтверждающие, что она вошла в ту пустую квартиру одна – и вышла из нее тоже одна.

Он помолчал и пожал плечами, словно факты дела и вывод, из этих фактов вытекающий, были так неоспоримы, что и говорить больше не о чем. Впрочем, затем продолжил:

– Обвинение гласит: покушение на убийство. Однако что означает сей юридический термин? Обдумайте вот что. За день до рокового выстрела Карл был полон жизни, энергии и честолюбивых устремлений. На следующий день после... Что ж, смотрите сами. Посмотрите хорошенько на этого человека, прикованного к инвалидному креслу, удерживаемого в нем при помощи металлических креплений и ремней, поскольку мышцы, прежде выполнявшие эту задачу, теперь бездействуют. Посмотрите ему в глаза. Что вы увидите? Человека, настолько изувеченного рукой зла, что он, возможно, мечтает о смерти. Человека, настолько подкошенного предательством любимого существа, что он, возможно, жалеет, что вообще родился на свет.

Снова вмешался голос за кадром:

– Возражение!

Судья кашлянул.

– Поддерживаю, – устало пророкотал он. – Мистер Пискин, вы перешли черту.

– Прошу прощения, ваша честь. Слегка увлекся.

– Тогда вовлекитесь обратно.

– Да, ваша честь. – После короткой паузы, во время которой прокурор словно бы собиравшись с мыслями, он снова повернулся к присяжным. – Дамы и господа, как ни печально, но

Карл Спалтер не в состоянии больше ни двигаться, ни говорить, ни хоть как-то общаться с нами. Однако застывшее на его лице выражение ужаса подсказывает мне, что он прекрасно сознает, что с ним случилось, знает, кто сделал это с ним, – и что у него нет сомнений насчет того, существует ли в мире такая вещь, как Воплощенное Зло. И когда вы будете выносить вердикт, гласящий, что Кэй Спалтер виновна в покушении на убийство – ибо я знаю, вы сочтете ее виновной, – помните: то, что вы сейчас видите перед собой, и есть подлинное значение невыразительной юридической формулировки «покушение на убийство». Вот этот человек в инвалидном кресле. Разбитая, погубленная жизнь без малейшей надежды на будущее. Растоптанное счастье. Жуткая реальность, ужас которой не передать никакими словами.

– Возражаю! – выкрикнул голос.

– Мистер Пискин... – пророкотал судья.

– У меня все, ваша честь.

Судья объявил полчасовой перерыв и вызвал прокурора и адвоката защиты в свой кабинет.

Гурни пересмотрел видео еще раз. Никогда еще он не слышал подобной вступительной речи. По эмоциональной насыщенности и содержанию она куда больше напоминала заключительную обвинительную речь. Однако он знал репутацию Пискина – отнюдь не дилетант в своем деле. Так с какой целью он разыграл это все? Создать впечатление, что осуждение Кэй Спалтер неизбежно, что игра закончена, не начавшись? Неужели настолько уверен в себе? Произнеся такое вступительное слово, что еще он сумеет добавить к своему обвинению в свершении Абсолютного Зла?

Кстати об Абсолютном Зле... Гурни захотелось взглянуть на то самое выражение лица Карла Спалтера, на которое Пискин обращал внимание присяжных, но которого не засняли на судебную камеру. Интересно, не найдется ли фотографии в предоставленном ему объемном досье? Гурни взял инструкции Хардвика, высматривая, нет ли там намека.

Должно быть, неслучайно это оказалось вторым пунктом.

«Шаг второй. Оцени ущерб. Материалы дела, собранные в бюро криминальных расследований, третья таблица. Все в глазах. Вот уж не хотел бы увидеть то, что вызвало этакий взгляд».

Через минуту Гурни уже смотрел на крупную, во весь лист, фотографию. Портрет: голова и плечи. Даже после слов прокурора про ужас в глазах жертвы выражение этих глаз потрясало. В последнем своем витиеватом пассаже Пискин ничуть не преувеличивал.

В глазах жертвы и вправду читалось осознание жуткой правды – как сказал Пискин, реальности, ужас которой не передать никакими словами.

Глава 5

Кровожадные хорьки

Скрежещущий скрип правой створки французской двери – она всегда поддавалась с некоторым трудом – вырвал Гурни из бредового сна, который улетучился, стоило только открыть глаза.

Он обнаружил, что обмяк в кресле-качалке возле камина, а документы по делу Спалтеров разложены на кофейном столике перед ним. Когда он поднял голову, шея заныла. В приоткрытую дверь сочился по-рассветному неяркий свет.

Мадлен вырисовывалась силуэтом на фоне двери, вдыхая холодный застывший воздух.

– Слышишь? – спросила она.

– Что? – Гурни протер глаза и выпрямился.

– Гораций. Вот он, снова.

Гурни вполуха прислушался, но кукареканья молодого петушка не расслышал.

– Подойди к двери, тогда услышишь.

Гурни чуть было не ответил, что, мол, не так уж и интересно, но сообразил, что день с такого лучше не начинать. Выкарабкавшись из кресла, он подошел к двери.

– Вот, – сказала Мадлен. – Теперь слышал, да?

– Кажется.

– Когда построим вот там курятник, – жизнерадостно заверила Мадлен, показывая на поросший травой участок между зарослями аспарагуса и старой яблоней, – слышно будет гораздо лучше.

– Ничуть не сомневаюсь.

– Они это, чтобы застолбить территорию.

– Гм-гм.

– Отпугивают других петухов, сообщают им: «Это мой двор, я его первый занял». Мне так нравится! А тебе?

– Что нравится?

– Да кукареканье же.

– А. Да. Очень... по-деревенски.

– Не уверена, хочу ли держать много петухов. Но одного – очень здорово.

– Ага.

– *Гораций*. Сперва я еще сомневалась, но теперь кажется, это имя для него – то, что надо, правда?

– Пожалуй.

Сказать по правде, имя Гораций без каких бы то ни было разумных причин напоминало ему имя Карл. А имя Карл, едва всплыв в памяти, тянуло за собой те полные ужаса глаза с фотографии, глаза, словно бы увидевшие самого дьявола.

– А как быть с остальными? Пеструшка, Резвушка и Толстушка – как, по-твоему, не слишком глупые клички?

Гурни потребовалось несколько секунд, чтобы включиться.

– Слишком глупые? Это для кур-то?

Мадлен засмеялась и пожала плечами.

– Вот построим домик и вольеру, не придется им больше сидеть в душном сарае.

– Ну да.

Недостаток энтузиазма в его голосе был очевиден.

– Позаботишься, чтобы никакие хищники туда пролезть не могли?

– Да.

– Директор нашей клиники на той неделе потерял одну из своих род-айлендских красных. Только что была – и вот уже нет.

– Когда их выпускаешь, всегда рискуешь.

– Нет, если построить правильную вольеру. Тогда они смогут выходить, бегать, копошиться в траве, они ведь любят это, – и все-таки оставаться в безопасности. Будет так весело – наблюдать за ними, прямо вот отсюда.

Она снова показала выбранный участок, выразительно ткнув туда указательным пальцем.

– Так что, по его мнению, случилось с пропавшей курицей?

– Кто-то утащил. Небось, койот или орел. Он, скорее, ставит на орла, потому что после засухи этим летом они стали охотиться не только на рыбу.

– Гмм.

– Он говорит, если мы собираемся строить вольеру, надо обязательно натянуть проводную сетку сверху – и врыть ее по меньшей мере на шесть дюймов в землю. А не то какая-нибудь тварь подкопается.

– Тварь?

– Он упоминал хорьков. Вот кто, судя по всему, полный кошмар.

– Кошмар?

Мадлен поморщилась.

– Он говорит, если хорек добирается до кур, то... то откусывает им головы, всем, сколько есть.

– И не ест? Просто убивает?

Она кивнула, плотно сжав губы. Не просто поморщилась, скривилась, как от физической боли.

– Говорит, хорек просто в амок впадает... как только попробует крови. Как начнет, не может остановиться, пока всех не перебьет.

Глава 6

Страшная правда

Вскоре после восхода, ощущая, что достаточно потрудился на ниве решения куриной проблемы – набросав схему курятника и огороженного загончика вокруг, – Гурни отложил блокнот и уселся со второй чашкой кофе за стол для завтрака.

Когда Мадлен присоединилась к нему, он решил показать ей фотографию Карла Спалтера.

Работая в приемном отделении местной психиатрической клиники, она привыкла находиться в эпицентре негативных эмоций – паники, ярости, страдания, отчаяния. Но все равно при виде лица Спалтера у нее невольно распахнулись глаза.

Она отложила фотографию на стол, а потом отодвинула еще на несколько дюймов.

– Он что-то знает. Что-то, чего не знал до того, как жена стреляла в него.

– Может, это и не она. Послушать Хардвика, дело против нее сфабриковано.

– И ты этому веришь?

– Не знаю.

– Может, это она, а может, и нет. Но Хардвику ведь на самом деле не важно, правда?

Гурни подмывало возразить, поскольку ему не нравилось, в каком положении он тогда сам оказывается. Но он лишь пожал плечами.

– Что ему важно, так это снять с нее обвинения.

– Что ему по-настоящему важно, так это поквитаться – и полюбоваться, как его бывшие боссы корчатся.

– Знаю.

Она наклонила голову набок и посмотрела на него с таким видом, точно собиралась спросить, ему-то с какой стати впутываться в столь неприглядную и наверняка грязную затею.

– Я ничего не обещал. Но, признаюсь, – добавил он, показывая на фотографию на столе, – это меня и правда заинтересовало.

Мадлен поджала губы, повернулась к открытой двери и уставилась на жидкий, редкий туман, подсвеченный косыми лучами раннего солнца. Потом ее внимание привлекло что-то на краю каменного дворика, сразу за порогом.

– Вернулись.

– Кто? Что?

– Муравьи-древоточцы.

– Где?

– Да везде.

– Везде?

Ее тон был столь же кроток, сколь его – нетерпелив.

– Снаружи. И внутри. На порогах. В шкафах. У раковины.

– Какого черта ты мне не говорила?

– Сказала. Только что.

С губ у него рвался уже ответ, который пустил бы всю беседу под откос, но благоразумие возобладало.

– Терпеть эту пакость не могу, – только и сказал он. Гурни их и впрямь на дух не переносил. Муравьи-древоточцы были термитами Катских гор и прочих нежарких краев – они выгрызали внутренности балок и перегородок, в темноте и молчании превращая несущие структуры в опилки. Служба по борьбе с насекомыми каждые два месяца обрабатывала специальным составом фундамент дома снаружи. И порой казалось, что победа близка. Но муравьи-разведчики неизменно возвращались, а потом... орды и батальоны.

На миг Гурни забыл, о чем они с Мадлен говорили до отступления про муравьев. А когда вспомнил, его охватило гнетущее чувство, будто он пытается оправдать сомнительное решение.

Пожалуй, стоит попробовать максимальную открытость.

– Слушай, я понимаю, в чем тут опасность – и что за всем этим кроются далеко не благородные мотивы. Но я и правда в долгу перед Джеком. Может, и не очень большом, но все же в долгу. Кроме того, а вдруг невинная женщина действительно осуждена на основании показаний продажного копа. Терпеть не могу продажных полицейских.

– Да Хардвику плевать, виновата она или невиновна! – взорвалась Мадлен. – Ему пофиг.

– Знаю. Но я не Хардвик.

Глава 7

Мак Мудак

– Так пока не обнаружили пулю у него в мозгу, все считали, он просто споткнулся? – уточнил Гурни.

Он сидел на пассажирском сиденье грохочущего «Понтиака» Хардвика – не тот способ передвижения, что он выбрал бы в обычных обстоятельствах, но поездка из Уолнат-Кроссинга к женской исправительной колонии «Бердфорд-Хиллс», согласно «Гуглу», должна была занять три часа, что представляло удачную возможность позадавать вопросы.

– Ну, маленькое круглое входное ранение уже вроде кое о чем намекнуло, – ответил Хардвик. – Но после компьютерной томографии сомнений и вовсе не осталось. В результате хирург извлек почти все фрагменты пули.

– «Свифт» двадцать второго калибра?

Дождаясь Хардвика, Гурни умудрился просмотреть половину судебных записей и треть материалов дела из бюро и хотел теперь уточнить детали.

– Ага. Самая быстрая пуля в мире. Самая пологая траектория. Заряди ей правильное оружие с подходящим радиусом действия – и снесешь голову бурундуку в четверти мили от тебя. Точность поразительная. Других таких нет. Добавь ко всему комплекту глушитель, вот тебе и...

– Глушитель?

– Ну да, глушитель. Поэтому-то и выстрела никто не услышал. Да еще петарды...

– Петарды?

Хардвик пожал плечами.

– Свидетели в то утро слышали от пяти до десяти наборов петард. Откуда-то со стороны здания, из которого был произведен выстрел. Последние – аккуратно в то время как Спалтера подстрелили.

– А как определили, из какого именно здания стреляли?

– Реконструкция на месте преступления. Свидетельские описания позиции жертвы перед падением. И потом – последовательный обход зданий в поисках потенциального места засады.

– Но в первый момент никто не понял, что в него стреляли, да?

– Просто увидели, что он падает. Он направлялся к трибуне в изголовье могилы. Пуля попала ему в висок слева, упал он вперед. В тот миг слева от Карла был пустой участок кладбища, река, оживленное шоссе, а за всем этим ряд частично пустующих многоквартирных домов, принадлежащих семейству Спалтеров.

– Как определили, из какой именно квартиры стреляли?

– Легче легкого. Она... в смысле, стрелявший... кто бы ни... короче, ружье бросили на месте преступления, прямо на треноге.

– С оптическим прицелом?

– Наивысшего класса.

– А глушитель?

– Нет. Его стрелявший снял.

– Тогда откуда вы знаете...

– Дуло подгоняли под глушитель. Кроме того, петарды сами по себе не перекрыли бы выстрел «Свифтом» двадцать второго калибра. Там очень мощный заряд.

– А глушитель гасит лишь дульную волну, тогда как сверхзвуковая составляющая сама по себе все равно была бы достаточно громкой – что и объясняет необходимость петард. Выходит... тщательное планирование, вдумчивый подход. Именно так это все и проинтерпретировали?

– Должны были, а на деле хрен его знает, как они там что проинтерпретировали. На суде это все никак не всплывало. Да уйма всякого дерьма так и не всплыла на суде. Уйма дерьма, которое просто обязано было всплыть.

– Но зачем оставлять оружие, зато снимать глушитель?

– А хрен его знает. Разве что это одна из тех штучек за пять тысяч баксов – рука не поднялась бросить.

Гурни в такое как-то не верилось.

– По версии обвинения, из всех способов, какими мстительная жена может убить мужа, Кэй Спалтер выбрала самый мудреный, затратный, требующий самого современного...

– Малыш Дэйви, меня можешь не уговаривать. Я и сам знаю, что версия отстой. Дыр в ней больше, чем у нарка в вене. Вот почему я и выбрал это дело для разгона. Большой потенциал для пересмотра.

– Отлично. Итак, глушитель был, но его сняли и унесли. Предположительно сам стрелок.

– Верно.

– Отпечатков нигде никаких?

– Никаких. Работали в латексных перчатках.

– Этот твой продажный детектив – он ничего там не подбросил в квартиру, чтобы подставить жену Спалтера?

– Тогда он ее еще не знал. Он решил ее подставить только после того, как увидел, невзлюбил и решил, что наверняка она и есть убийца.

– Это как раз его имя указано на папке? Старший следователь Майкл Клемпер?

– Мак Мудак, он и есть. Башка бритая, глазки заплывшие, грудь колесом. Темперамент ротвейлера. Фанат всяких единоборств. Обожает ломать кирпичи голыми руками, особенно на публике. Ну о-о-очень сердитый тип. Что и возвращает нас к нынешней проблеме. Мак Мудак развелся несколько лет назад. Причем с треском. Мак... тут мы вторгаемся в область... гм... неподтвержденных слухов. Клевета, очернительство, повод для возбуждения дела, ну ты понимаешь?

Гурни вздохнул.

– Валяй дальше, Джек.

– По слухам, жена Мака закрутила с неким влиятельным типом из организованной преступности, с которым и познакомилась-то потому, что – если верить все тем же слухам – он Мака купил с потрохами. – Хардвик выразительно помолчал. – Видишь проблему?

– И не одну.

– Мак, значит, выяснил, что она трахается с прикормившим его мафиози, но тут перед ним возникла дилемма. Ну, то есть, это не та корзина с грязным бельем, которую хочешь открыть в суде, да и где-либо еще. Так что обычных законных мер он принять не мог. Зато в частной жизни неоднократно выражал желание придушить сучку, открутить ей голову и скормить своему псу. Судя по всему, он и ей это время от времени говорил. Ну и в один из таких разов она записала на видео, как он, малость перебрав, в красочных деталях расписывает, как скормит питбулю всякие ее деликатные части тела. Ну и угадай, что дальше.

– Ты мне скажи.

– На следующий день она пригрозила выложить видео на Ютьюбе и спустить в унитаз его карьеру вместе с честно заработанной пенсией, если он не даст ей развода, причем на очень щедрых условиях.

В узкогубой улыбке Хардвика сквозило нечто вроде извращенного восхищения.

– Вот тогда-то Мак Мудак и начал истекать всей этой смертоубийственной ненавистью – как гноем. Он бы уже и рад прибить женушку, несмотря ни на какого мафиози, но она сказала, если с ней что случится, запись разлетится по всему свету. Пришлось ему дать ей развод. И деньги. И с тех пор он вымещает злость на всякой бабе, которая хоть отдаленно напоминает

ему жену. Мак всегда был малость психованным, но как обжег задницу на истории с разводом, превратился в двести пятьдесят фунтов чистой ярости. Так и ищет, на ком бы выместить злобу.

– Хочешь сказать, он подставил Кэй Спалтер потому, что она трахалась на стороне, как его жена?

– Еще хуже. Еще ненормальнее. По-моему, из-за этой вот слепой ненависти ко всем, кто похож на его жену, он свято уверен, что Кэй Спалтер и в самом деле убила своего мужа, а его долг теперь заставить ее поплатиться. Для него, психа эдакого, она стопроцентно виновна, а значит, должна попасть за решетку любой ценой. Эта, мол, лживая сучка от него не ускользнет. А если для этого понадобится слегка подправить картинку в интересах правосудия, так отчего бы и нет.

– Хочешь сказать, он полный псих?

– Еще мягко сказано.

– А ты-то откуда это все знаешь?

– Говорю же, у него есть враги.

– А поконкретней?

– Кое-кто, кто к нему достаточно близок и много чего видит и знает, мне описывал, как он брызжет злобой на работе, и пересказывал обрывки его телефонных звонков жене и фразочки, брошенные там и сям, про баб вообще, а его бывшую и Кэй Спалтер в частности. Мудака иногда заносит, и он напрочь забывает про осторожность.

– А имя у этого осведомителя есть?

– Есть, но назвать не могу.

– Еще как можешь.

– Ни за что.

– Послушай, Джек. Начнешь скрытничать – договоренности конец. Мне надо знать все, что известно тебе. Получить ответ на каждый вопрос. Уговор таков. Точка.

– Боже, Дэйви, до чего ж с тобой нелегко.

– А с тобой-то.

Гурни покосился на спидометр. Стрелка подползала к восьмидесяти. Челюсти Хардвика были крепко сжаты, руки на руле тоже. Прошла добрая минута, прежде чем он коротко произнес:

– Эсти Морено. – И еще минута прошла, прежде чем он продолжил. – Она работала на Мака со времени его развода до самого завершения дела Спалтеров. В конце концов умудрилась получить новое назначение – подразделение то же, начальство другое. Пришлось заняться офисной работой, сплошная возня с бумагами, она этого просто не выносит. Но Мудака не выносит еще больше. Эсти хороший коп. Отличные мозги. Отличные уши и глаза. И принципы. У нее, у Эсти, есть принципы. Знаешь, что она сказала про Мудака?

– Нет, Джек. Так что?

– Сказала: «Какое дерьмо творишь, такая тебя и карма потом цапнет за задницу». Люблю Эсти. Ей палец в рот не клади. Кстати, я упоминал, что она – горячая штучка из Пуэрто-Рико? Но и утонченной может быть. Утонченная горячая штучка. Ты б видел ее в полицейской шляпе!

Хардвик улыбался во весь рот и выстукивал пальцами по рулю латиноамериканский ритм.

Гурни довольно долго просидел молча, стараясь осмыслить услышанное, причем как можно объективнее. Загвоздка состояла в том, чтобы усвоить все факты – но при этом держать их на расстоянии вытянутой руки: вот как собирают с места преступления улики, которые возможно истолковать по-разному.

До чего же странные очертания это дело начинало принимать у него в голове – учитывая полную иронию параллель между желанием Клемпера любой ценой добиться обвинительного

приговора и желанием Хардвика любой ценой добиться отмены приговора. Старания обоих лишний раз доказывали, что люди не слишком-то рациональные существа и вся наша так называемая логика – всего лишь радужный фасад куда как более темных мотивов: попытка прикрыть страсть аксиомами.

Занятый этими мыслями, Гурни лишь мельком замечал холмы и долины, мимо которых лежал их путь, – стелящиеся вдоль дороги поля, поросшие сорняками и чахлыми деревцами, изнуренные засухой зеленые и желтые просторы, солнце, то пробивающееся сквозь неизменную белесую дымку, то снова тонущее в ней, ладные фермы с десятилетиями не крашеными амбарами и сараями, печальные полунищие деревеньки, старые оранжевые тракторы, ржавые плуги и ворошилки для сена, тихое и старомодное сельское запустение – гордость и проклятие округа Делавэр.

Глава 8

Бессердечная сука

В отличие от сурово-прекрасных, экономически ущербных и малолюдных округов центральной части штата Нью-Йорк, северный округ Вестчестер был полон небрежного очарования сельской зажиточности. Однако исправительная колония «Бедфорд-Хиллс» посреди открыточного пейзажа казалась неуместной, как дикобраз в контактном зоопарке для малышей.

Гурни сразу же получил повод вспомнить, что охранная система тюрьмы особо строгого режима включает широкий спектр приборов всех степеней изощренности. Начиная от самых навороченных сенсоров и контрольных систем до сторожевых вышек, двенадцатифутовых сетчатых изгородей и колючей проволоки.

Несомненно, в один прекрасный день достижения технологии окончательно вытеснят колючую проволоку. Но пока именно она проводила самую четкую демаркационную линию между миром внутри тюрьмы и миром снаружи. Она несла в себе простое, грубое и жестокое послание. Одно ее присутствие сразу сделало бы тщетной любую попытку создать атмосферу нормальной жизни – ясно, что в исправительных колониях не предпринимались серьезные шаги в этом направлении. Гурни подозревал, что в реальности колючая проволока не ограничится своей непосредственной функцией – нести людям особое послание.

Внутри же тюрьма «Бедфорд-Хиллс» ничем не отличалась от большинства мест заточения, которые он посещал на протяжении многих лет. Выглядела она столь же уныло-функционально, соответствуя своему предназначению. И вопреки тысячам и тысячам страниц, написанным на тему современной пенологии, это предназначение – сама суть – сводилось к одному.

Клетка.

Клетка с многочисленными замками, пропускными пунктами и процедурами, предназначенными для того, чтобы никто не вошел сюда и не вышел отсюда, не предоставив должных доказательств своего на это права. Контора Лекса Бинчера внесла Гурни и Хардвика в список посетителей, которым разрешено посещать Кэй Спалтер, так что проникнуть внутрь им не составило труда.

Длинная комната для посещений, куда их провели, ничем не отличалась от аналогичного помещения в любой из тюрем. Окон там не имелось, зато основной структурной особенностью была длинная стойка высотой примерно по грудь, разделявшая комнату на две половины – сторону заключенных и сторону посетителей. По обе стороны от стойки тянулся ряд стульев, а в двух концах, так, чтобы видеть стойку по всей длине и предотвратить любые недозволенные контакты, стояли надзиратели.

Гурни с облегчением увидел, что посетителей сейчас немного – это давало вполне достаточно места и хоть какую-то приватность.

Женщина, которую привела коренастая чернокожая надзирательница, оказалась невысокой и хрупкой. Темные волосы, мальчишеская короткая стрижка, тонкий нос, выступающие скулы, полные губы. Поразительно зеленые глаза, под одним из которых темнел небольшой синяк. Лицо ее приковывало взгляд, но не столько красотой, сколько написанной на нем страстной, напряженной целеустремленностью.

Гурни и Хардвик поднялись ей навстречу. Хардвик первым нарушил молчание, разглядывая ее синяк.

– Боже, Кэй, что это с вами?

– Ничего страшного.

– По мне, очень даже чего.

Натужная заботливость в его голосе неприятно задела Гурни.

– С этим уже разобрались, – отмахнулась Кэй, обращаясь к Хардвику, но с откровенным любопытством рассматривая Гурни.

– Как это разобрались? – не унимался Хардвик.

Она нетерпеливо моргнула и улыбнулась – коротко и невесело.

– Кристалл Рок. Моя покровительница.

– Та лесбиянка, наркодилерша с метадоном?

– Ну да.

– Ваша фанатка?

– Фанатка той, кем меня считает.

– Любит мужеубийц?

– Обожает.

– И как она воспримет отмену приговора, которой мы добьемся?

– Отлично – если не сочтет, что я и впрямь невиновна.

– Что ж... это как раз не проблема. Повод нашей апелляции – не сам вопрос невиновности, а то, должным ли образом проводился процесс, и мы намерены доказать, что в вашем случае процесс проводился не так, как положено. Кстати, позвольте представить вам человека, который поможет нам доказать судье, до чего скверным образом все проводилось. Кэй Спалтер – Дэйв Гурни.

– Мистер Суперкоп, – произнесла она с толикой сарказма и чуть помолчала, словно проверяя, как он отреагирует, но, не дождавшись реакции, продолжила: – Я читала про вас и все ваши регалии. Весьма впечатляет.

Вид у нее, однако, был ни капельки не впечатленный.

Гурни гадал, способны ли вообще эти холодные, оценивающие зеленые глаза принимать впечатленное выражение.

– Приятно познакомиться, миссис Спалтер.

– Кэй. – В тоне не было и намека на сердечность. Имя прозвучало скорее недвусмысленной поправкой, способом выразить отвращение к фамилии мужа. Она продолжала разглядывать его, словно товар на ярмарке. – Вы женаты?

– Да.

– Счастливы?

– Да.

Она словно бы немного покрутила эту информацию у себя в голове перед тем, как задать следующий вопрос.

– Вы верите в мою невиновность?

– Я верю, что солнце утром встало.

Губы ее дрогнули – что-то вроде мимолетной улыбки. А может, это просто рвалась наружу энергия, заключенная в маленьком теле.

– И как это понимать? Что вы верите лишь в то, что видите своими собственными глазами? Что вы крепкий орешек и опираетесь лишь на факты?

– Что я познакомился с вами минуту назад и знаю еще слишком мало, чтобы составить собственное мнение, не говоря уж о том, чтобы во что-то поверить.

Хардвик нервно кашлянул.

– Может, сядем?

Они уселись за маленький столик. Кэй Спалтер все так же разглядывала Гурни.

– А что вам надо знать, чтобы у вас сложилось мнение касательно моей виновности?

– Или насчет того, насколько честно вас судили, – вмешался Хардвик, подавшись вперед. – Ведь дело-то сейчас именно в этом.

Кэй проигнорировала его. Глаза ее были устремлены на Гурни.

Он откинулся на спинку стула, внимательно изучая эти поразительные, немигающие зеленые глаза. Что-то подсказывало, что лучшим вступлением к делу будет обойтись без вступлений.

– Вы стреляли в Карла Спалтера или организовывали его убийство?

– Нет.

Ответ вырвался резко и быстро.

– У вас и правда был роман на стороне?

– Да.

– И ваш муж все узнал?

– Да.

– И намеревался с вами развестись?

– Да.

– И развод в таких обстоятельствах крайне отрицательно сказался бы на вашем финансовом положении?

– Именно.

– Но к тому времени, как ваш муж был смертельно ранен, он еще не принял окончательного решения о разводе и не изменил завещания – так что вы по-прежнему оставались главной наследницей. Верно?

– Да.

– Вы просили любовника убить его?

– Нет.

На лице ее вспыхнуло и угасло отвращение.

– Так что его история на суде – выдумка чистой воды?

– Да. Но только никак не его личная выдумка. Дарил работал у нас в бассейне спасателем и так называемым «личным тренером» – тело на миллион долларов, мозгов на два цента. Он просто повторил то, что ему велел говорить этот козел Клемпер.

– Вы просили имеющего судимость Джимми Флэтса убить вашего мужа?

– Нет.

– Так что его рассказ на суде – тоже выдумка?

– Да.

– Сфабрикованная Клемпером?

– Полагаю, что да.

– Вы бывали в том здании, откуда стреляли, – в день выстрела или когда-либо прежде?

– Уж точно не в день выстрела.

– Значит, свидетельские показания, будто бы вы находились в здании, в той самой квартире, где нашли оружие убийства, – это все тоже фальшивка?

– Верно.

– Если не в тот самый день, то когда?

– Не знаю. За несколько месяцев? За год? Я там была, наверное, два-три раза, заглядывала вместе с Карлом, когда мы проезжали мимо, а ему надо было что-то там проверить или сделать, как-то так.

– Большинство квартир пустовало?

– Да. «Спалтер Риэлти» скупает по дешевке здания, требующие капитального ремонта.

– Квартиры держали запертыми?

– По большей части. А то бездомные понабежали бы.

– У вас были ключи?

– Не у меня лично.

– В смысле?

Кэй Спалтер впервые заколебалась с ответом.

– Для каждого здания имелся основной ключ. Я знала, где он.

– И где же?

Она словно бы покачала головой – а может, опять же, это была лишь едва уловимая внутренняя дрожь.

– Всегда считала, что это ужасно глупо. Карл держал при себе все ключи, но хранил по запасному в каждом доме. В подвале, в прачечной. На полу за батареей.

– Кто кроме вас с Карлом знал про эти спрятанные ключи?

– Понятия не имею.

– Они и сейчас хранятся за батареями?

– Думаю, да.

Гурни несколько мгновений сидел молча, вбирая в себя этот примечательный факт, а потом продолжил:

– Вы утверждали, что во время стрельбы находились с любовником.

– Да, с ним. В постели.

Она смотрела Гурни прямо в глаза, спокойно и ровно, не моргая.

– Так что, когда он показал под присягой, будто был в тот день один, – это снова неправда?

– Да. – Она сжала губы.

– И как, по-вашему, детектив Клемпер сфабриковал всю эту изощренную паутину лжи... чего ради? Просто потому, что вы напомнили ему бывшую жену?

– Это теория вашего друга. – Она показала на Хардвика. – Не моя. Лично я не сомневаюсь, что Клемпер подонок и женоненавистник, но уверена, что тут кроется нечто большее.

– Например?

– Может, мое осуждение на руку кому-то, кто стоит за Клемпером.

– Кому, например?

– Ну, например, мафии.

– Хотите сказать, это организованная преступность в ответе за...

– Покушение на Карла? Да. По-моему, в этом есть смысл. Во всяком случае, больше, чем в чем-нибудь еще.

– Покушение на Карла. Не холодноватый ли тон для...

– Для обсуждения смерти моего мужа? Да, мистер Суперкоп, вы совершенно правы. Я не собираюсь проливать слезы на публике, чтобы продемонстрировать свою невиновность присяжным, вам или кому бы то ни было еще. – Она смотрела на него испытующе. – Чутьку осложняет дело, да? Не так-то легко доказывать невиновность бессердечной суки.

Хардвик побарабанил пальцами по столу, привлекая ее внимание, а потом подался вперед и медленно, выразительно повторил:

– Нам и не надо доказывать, что это не вы. Дело не в виновности или невиновности. Все, что от нас требуется, – это доказать, что ваш процесс был серьезно и злонамеренно искажен старшим следователем по делу. Именно этим мы и займемся.

Кэй снова проигнорировала его, неотрывно глядя на Гурни.

– И как? На чьей вы стороне? Успели сформировать мнение?

Гурни ответил очередным вопросом:

– Вы брали уроки стрельбы?

– Да.

– Зачем?

– Думала, может, придется в кого-нибудь стрелять.

– В кого же?

– В какого-нибудь бандита. Мне не нравились связи Карла. Я видела, что назревают проблемы, и хотела подготовиться заранее.

Грозная, подумал Гурни, выискивая подходящее слово для определения этого маленького, отважного и бестрепетного существа, сидевшего напротив него. А может даже, слегка *пугающая*.

– Проблемы с бандитами потому, что Карл основал политическую партию против преступности? И произносил все эти речи про «мразь земли»?

Она только коротко фыркнула.

– Ничего-то вы про Карла не знаете, верно?

Глава 9

Черная вдова

Глаза Кэй Спалтер были закрыты – судя по всему, от сосредоточенности. Полные губы сжаты в узкую линию, голова склонена, руки крепко стиснуты под подбородком. Она сидела вот так напротив Гурни и Хардвика вот уже добрых две минуты. Гурни догадывался, что она силится решить, насколько может довериться этим двум мужчинам, которые ей едва знакомы и чьих подлинных целей она не знает, но которые, вполне может статься, дают ей последний шанс на свободу.

Хардвика, похоже, молчание угнетало. Уголки губ у него начали подергиваться.

– Послушайте, Кэй, если вас что-то беспокоит, просто скажите напрямик, и мы...

Она подняла голову и обожгла его взглядом.

– Беспокоит?

– Ну, я имел в виду, если у вас есть вопросы...

– Если у меня возникнут вопросы, я их задам. – Она снова перевела взгляд на Гурни, внимательно разглядывая его лицо и глаза. – Сколько вам лет?

– Сорок девять. А почему вы спрашиваете?

– Не рановато ли для пенсии?

– И да, и нет. Двадцать пять лет в нью-йоркской полиции...

– Да вся штука в том, что он до конца так и не вышел на пенсию, – вмешался Хардвик. – Просто переехал за город. Чем раньше занимался, тем и сейчас занимается. С тех пор как он покинул отдел, он раскрыл уже три крупных убийства. Три крупнейших дела за последние два года. Я бы это пенсией не назвал.

Гурни были не по душе эти хвalebные слова Хардвика.

– Послушай, Джек...

На этот раз его перебила Кэй:

– Почему вы это делаете?

– Что?

– Принимаете участие в моем процессе.

Гурни оказалось нелегко подыскать слова для ответа, который он был бы готов произнести вслух.

– Из любопытства, – наконец произнес он.

Хардвик снова встрял:

– Да Дэйви у нас прирожденный умелец докапываться до сути. Одержимый прямо. Светоч мысли как есть. Снимает слой за слоем, пока не доберется до истины. Так что, когда он говорит «из любопытства» – для него это гораздо больше...

– Не надо мне объяснять, что это для него. Он здесь. И я здесь. Пусть сам объясняет. В прошлый раз я уже выслушала вас и вашего приятеля-адвоката. – Она чуть сдвинулась на стуле и устремила пристальный взгляд на Гурни. – Теперь я хочу выслушать вас. Сколько они вам платят за работу над делом?

– Кто?

Она показала на Хардвика.

– Он и его адвокат – Лекс Бинчер из «Бинчер, Фенн и Бласкетт».

Кэй произнесла название с таким видом, точно глотала противную на вкус, но необходимую микстуру.

– Они ничего мне не платят.

– Не платят?

– Нет.

– Но вы рассчитываете на какую-нибудь оплату в будущем, если ваши усилия обеспечат желательный результат?

– Нет, не рассчитываю.

– Правда? Тогда, если не считать всего этого вздора про докапывание до истины, почему вы этим занимаетесь?

– Должен отплатить Джеку за одну услугу.

– За что?

– Он мне помог в деле Доброго Пастыря. Я ему помогаю в этом.

– Любопытство. Уплата долга. Что еще?

Что еще? Гурни гадал, знает ли она, что третья причина и вправду есть. Он откинулся на спинку стула, задумавшись, что именно сказать. А потом негромко произнес:

– Я видел фотографию вашего покойного мужа в инвалидном кресле – должно быть, за несколько дней до его смерти. Лицо крупным планом.

Наконец-то Кэй проявила хоть какие-то признаки эмоциональной реакции. Зеленые глаза ее расширились, лицо чуть побледнело.

– И что?

– Выражение его глаз. Я хочу понять, что оно означает.

Она прикусила нижнюю губу.

– Может, это просто... ну, как любой смотрит, если знает, что скоро умрет.

– Не думаю. Я видел множество умирающих. Застреленных продавцами наркотиков. Совершенно незнакомыми людьми. Родственниками. Полицейскими. Но никогда не видел ни у кого такого вот выражения.

Она испустила глубокий, прерывистый вздох.

– Вам нехорошо? – спросил Гурни. Сотни, может быть, даже тысячи раз он видел, как люди пытаются изображать эмоции, которых не испытывают. Но тут фальши не было и в помине.

Кэй на несколько мгновений закрыла глаза, а потом снова открыла.

– Обвинитель сказал присяжным, что лицо Карла выражало отчаяние человека, которого предал тот, кого он любил. Вы тоже так считаете? Что это мог быть взгляд человека, чья жена желала ему смерти?

– Думаю, это возможный вариант. Но не единственный.

Она ответила еле заметным кивком.

– Последний вопрос. Ваш приятель все твердит мне, что успех апелляции не имеет никакого отношения к тому, я ли застрелила Карла или нет. Мол, главное – показать «заметные недочеты в ведении дела». Так скажите мне вот что. Для *вас* лично имеет значение, виновна я или нет?

– По мне, так только это и имеет значение.

Она смотрела ему в глаза долго-долго, а потом легонько кашлянула, повернулась к Хард-вику и заговорила другим голосом – более ломким, легким.

– Отлично. Договорились. Скажите Бинчеру, пусть присылает мне договор.

– Будет сделано, – заверил Хардвик с быстрым серьезным кивком, еле скрывавшим восторг.

Кэй подозрительно глянула на Гурни.

– Что это вы на меня так смотрите?

– Впечатлен тем, как вы принимаете решения.

– Я их принимаю, как только внутреннее чутье у меня приходит в согласие с головой.

Что у нас там дальше по списку?

– Вы сказали чуть раньше, что я ничего не знаю о Карле. Просветите меня.

– С чего начать?

– С чего угодно, что кажется вам важным. Например, был ли Карл замешан во что-нибудь, что могло привести к его убийству?

По губам у нее скользнула быстрая горькая улыбка.

– Что его убили – вовсе не удивительно. Удивительно только, как это не убили гораздо раньше. Причина его смерти – сама его жизнь. Карл был очень честолюбив. Честолюбив до безумия. У него это в отца, тот еще был гнусный тип, весь мир заглох бы, если б только мог.

– Что вы имеете в виду – «до безумия»?

– Честолюбие просто пожирало его, съедало заживо. Больше, лучше, важнее. Еще, еще, еще. А каким способом – уже не важно. Да он, чтобы только добиться своего, с такими людьми общался, с какими вы в одной комнате находиться побрезговали бы. А ведь поиграй с гремучей змеей... – Она замолчала. Зеленые глаза пылали гневом. – До чего же нелепо – что именно я теперь заперта в этом зверинце! Ведь это же я предупреждала его держаться подальше от хищников. Я твердила, что он увяз по уши, что он доиграется и его убьют. А он не желал меня слушать – и доигрался. И именно меня осудили за его убийство!

Она посмотрела на Гурни взглядом, яснее слов выразившим: «Ну не гнусная ли шутка – жизнь?»

– У вас есть предположения, кто его застрелил?

– Ну, тут опять сплошная жизненная ирония. Тип, без чьего одобрения в штате Нью-Йорк вообще ничего не случается, – иными словами, тот гад, который либо заказал Карла, либо, по крайней мере, дал согласие, – так вот, он трижды бывал у нас дома. Я три раза могла бы сама его прибить. На третий раз – так была к этому очень близка. И знаете, что? Поддайся я тогда искушению, сейчас и Карл был бы жив, и я не сидела бы тут. Улавливаете суть? Меня осудили за убийство, которого я не совершала, – из-за убийства, которое я не совершила, когда надо было.

– Как его зовут?

– Кого?

– Гада, которого вам следовало бы убить.

– Донни Ангел. Также известен как Грек. Также известен как Адонис Ангелидис. Три раза у меня была возможность избавиться от него. И все три раза я эту возможность упустила.

Оборот, который принял разговор, отметил про себя Гурни, выявил новую сторону личности Кэй Спалтер. Внутри поразительного, умного и хрупкого существа таился лед.

– Постойте минутку, – попросил Гурни, желая получить более ясное представление о мире, в котором обитали Спалтеры. – Расскажите подробнее о бизнесе Карла.

– Могу рассказать только то, что знаю. Верхушка айсберга.

За следующие полчаса Кэй успела описать не только бизнес Карла с его странноватой корпоративной структурой, но и его не менее странноватое семейство.

Отец Карла, Джо Спалтер, унаследовал компанию по торговле недвижимостью от своего отца. В итоге «Спалтер Риэлти» владела здоровенным куском от общего массива сдаваемых в аренду помещений штата Нью-Йорк, включая половину многоквартирных домов в Лонг-Фоллсе, – и все это к тому времени как Джо, незадолго до смерти, передал компанию двум своим сыновьям, Карлу и Йоне.

Карл пошел в Джо и унаследовал его честолюбие и жадность до денег. А вот Йона походил на мать, Мэри, ревностную поборницу безнадежных идей. Йона был мечтателем-утопистом, харизматическим спиритуалистом, приверженцем «нью эйдж». Как сформулировала Кэй: «Карл хотел владеть миром, а Йона – спасти его».

По представлениям их отца, у Карла было все необходимое, чтобы «взобраться на вершину» – стать самым богатым человеком в Америке, а может, и в мире. Одна беда, Карл был столь же неуправляем, сколь и безжалостен. Он ни перед чем не остановился бы, лишь бы получить то, что хочет. В детстве он как-то поджег соседского пса: чтобы отвлечь внимание

соседей, пока воровал видеоигру. И это был вовсе не одиночный приступ безумия. Такого рода случаи повторялись регулярно.

Джо, сам ничуть не менее безжалостный, усматривал в этой черте своего отпрыска потенциальную проблему – не то чтобы его смущали поджог собаки или кража. Нет, его волновал недостаток осмотрительности, неумение должным образом рассчитать соотношение риска и прибыли. В конечном счете он решил объединить Карла и Йону в семейном бизнесе. Пусть Йона обуздывает Карла, напоминает ему об осторожности, которой и самому Джо так недостает.

Чтобы воплотить в жизнь идею этого плодотворного союза столь разнонаправленных дарований, оба сына Джо подписали нерасторжимое соглашение, когда отец передавал им корпорацию. Все пункты и положения этого соглашения имели одну цель: сделать так, чтобы нельзя было принять ни одного решения, внедрить ни одно новшество, начать ни одного нового дела без совместного одобрения Карла и Йоны.

Однако мечта Джо о слиянии противоположных наклонностей его сыновей в единую непобедимую силу так и не воплотилась в жизнь. Все, что из этого вышло, – лишь постоянные конфликты, застой в делах, упадок «Спалтер Ризэлти» и нарастающая вражда между братьями. Карла это толкнуло в политику – как альтернативный путь к деньгам и власти, причем проник он туда через черный ход при помощи организованной преступности. Йону же это толкнуло в религию, побудило основать свое грандиозное учреждение, Церковь Киберпространства, при закулисной поддержке матери, которую Джо обеспечил с поразительной щедростью. Той самой матери, на чьих похоронах Карла смертельно ранили.

Когда Кэй наконец завершила семейную сагу Спалтеров, Гурни первым нарушил молчание.

– Выходит, эта кампания Карла против организованной преступности, речи про «мразь земли» и обещания очистить Нью-Йорк – не более, чем...

Она договорила за него:

– Вранье, притворство. Разве можно придумать лучшее прикрытие для политика, втайне закрутившего роман с мафией, чем образ самого ярого во всем штате борца с преступностью?

Гурни кивнул, стараясь уместить в голове все подробности разветвленного, как мыльная опера, повествования.

– Так, по вашим словам, Карл в конце концов рассорился с этим самым Ангелом? Поэтому его и убили?

– Ангел всегда был самым опасным игроком в салуне. Карл далеко не первый и даже не десятый из деловых партнеров Ангела, кто заканчивает подобным образом. В некоторых кругах говорят, что Грек за столом переговоров выставляет только два предложения: «Делай, как я скажу. А не то снесу голову нафиг». Ручаюсь, наверняка в какой-то момент Карл отказался следовать указаниям Донни. Ну вот голову ему и снесли, верно?

Гурни не ответил, размышляя, кто же она такая на самом деле, эта напрочь лишенная сентиментальности, суровая особа.

– Кстати, – добавила она, – вам бы стоило еще взглянуть на фотографии Карла до этого происшествия.

– Зачем?

– Понять, какой он был. Карл был создан для политики. Продал душу дьяволу – с ангельской улыбкой.

– Почему вы не ушли от него, когда дело приняло дурной оборот?

– Потому что я пустая и мелочная авантюристка, жадная до денег и власти.

– В самом деле?

Ответом ему стала ослепительная загадочная улыбка.

– Еще вопросы?

Гурни задумался.

– Да. Что такое, черт возьми, Церковь Киберпространства?

– Да очередная религия без Бога. Наберите это название в каком-нибудь поисковике – узнаете больше, чем хотите знать. Что-нибудь еще?

– У Карла или Йоны есть дети?

– Только не у Йоны. Слишком занят своей эзотерикой. У Карла есть дочь от первого брака. Слабоумная шлюха.

Голос Кэй звучал ровно и бесстрастно, как будто она сказала, например, что девочка учится в колледже.

Гурни даже сморгнул от такого несоответствия.

– Не хотите рассказать подробнее?

Сперва она вроде бы согласилась, но потом помотала головой.

– Лучше судите сами. Я в этом вопросе необъективна.

После еще нескольких вопросов и ответов, договорившись об очередном звонке, Хардвик с Гурни поднялись, собравшись уходить. Хардвик многозначительно посмотрел на синяк Кэй.

– Уверены, что все в порядке? Я тут кое-кого знаю. Она бы могла за вами присмотреть, может, на время изолировать от соседей.

– Говорю же вам, мы разобрались.

– А вы не складываете все яйца в одну корзину, надеясь только на Кристалл?

– Это очень крепкая и прочная корзина. Да и мое прозвище помогает. Я разве не говорила? В здешнем зоопарке меня очень уважают.

– Что за прозвище?

Кэй оскалила зубы в быстрой, леденящей улыбке.

– Черная вдова.

Глава 10

Слабоумная шлюха

Покинув исправительную колонию «Бедфорд-Хиллс» и направившись к мосту Таппан Зи, Гурни поднял тему, которая уже давно жгла ему язык:

– Сдается мне, ты знаешь об этом деле что-то важное, чего не сказал мне.

Хардвик прибавил газу и с выражением отвращения на лице обогнул медленно плетущийся минивэн.

– Видать, торопиться ему некуда, все равно, когда доедет. Был бы бульдозер – в лепешку бы ленивую тварь раскатал.

Гурни ждал.

Наконец Хардвик соизволил ответить на его вопрос.

– Ты получил общее представление, старичок, – все ключевые моменты, основные персонажи. Какого хрена тебе еще?

Гурни обдумал и саму фразу, и тон, каким она была произнесена.

– Ты куда больше похож на себя, чем с утра.

– И какого хрена ты имеешь в виду?

– Сам отгадай. Помни, я еще вполне могу бросить всю эту затею – и брошу, если не буду уверен, что знаю про дело Спалтеров ровно столько же, сколько и ты. Не собираюсь играть роль вывески, чтобы заставить дамочку подписать договор с твоим юристом. Как там, она сказала, его звать?

– Полегче, полегче. Не лезь на рожон. Лекс Бинчер. Ты с ним еще встретишься.

– Вот видишь, Джек, в том-то и проблема.

– Какая еще проблема?

– Ты слишком рано делаешь выводы.

– Какие выводы?

– Что я с тобой заодно.

Хардвик нахмурился, сосредоточенно глядя на пустую дорогу впереди. Нервное подергивание вернулось.

– А разве нет?

– Может, да, а может, нет. В том-то и дело. Я дам тебе знать.

– Отлично. Хорошо.

Между ними опустилось напряженное молчание, длившееся, пока они не переехали Гудзон и не помчались на запад по I-287. Гурни размышлял, с чего это он так взбеленился, и пришел к заключению, что дело не в Хардвике, а в том, что он сам покривил душой.

Ведь он уже был с ним заодно. Определенные аспекты дела – помимо жуткой фотографии Карла Спалтера – успели заинтриговать его. Однако он прикидывался, будто еще не принял решение. И притворство это предназначалось скорее Мадлен, чем Хардвику. Гурни прикидывался – и преподносил это Мадлен как правду, – будто его выбор рационален и основывается на вполне объективных критериях. В действительности же ничем подобным и не пахло. Рациональной подоплеки в том, станет он участвовать в деле или нет, было не больше, чем в вопросе, поддаваться ли силе гравитации.

Правда состояла в том, что ничто в мире не привлекало и не будоражило его так, как запутанное убийство. Гурни мог бы привести тому вполне разумные объяснения. Мог бы сказать – речь идет о справедливости. О том, как выправить безобразный дисбаланс в устройстве мира. Встать на сторону пострадавших. Выступить в поход за истиной.

Однако бывали и времена, когда он не видел в процессе расследования ничего, кроме разгадывания головоломок, навязчиво-невротическое стремление свести воедино все оборван-

ные концы. Интеллектуальная игра, соревнование умов и воля. Игровая площадка, на которой он умел побеждать.

Где-то рядом стояло и мрачное предположение Мадлен: что на самом деле его привлекает нечеловеческий риск и некая самоненавистническая часть его психики слепо влечет Гурни на орбиту смерти.

Разум его отвергал эту возможность, хотя сердце леденело при мысли о ней.

Однако в конечном итоге он сам не верил ни во что, что думал или говорил по поводу причин, заставивших его избрать именно эту профессию. Все это были лишь гипотезы, ярлычки.

Упоминалась ли хоть в каких-то из этих ярлычков сила гравитации?

Кто знает.

Суть состояла вот в чем: сколь он ни рационализировал, сколь ни тянул время, а отвернуться от вызова вроде дела Спалтеров не мог – точно так же, как алкоголик не в состоянии отказаться от мартины после первого глотка.

Внезапно на него навалилась усталость. Он закрыл глаза, а когда снова открыл их, впереди проглянуло водохранилище Пепактон. Выходит, они уже миновали Кэт-Холлоу и вернулись в округ Делавэр: то есть, осталось меньше двадцати минут езды до Уолнат-Кроссинга. Вода в озере после засушливого лета стояла удручающе низко. За таким летом чаще всего следует тусклая осень.

Мысли Гурни вернулись к встрече в «Бедфорд-Хиллс».

Он посмотрел на Хардвика. Тот словно бы затерялся в собственных невеселых думах.

– Так скажи, Джек, что ты знаешь о дочери Карла Спалтера – «слабоумной шлюхе»?

– Ты явно пропустил эту страницу в протоколах суда – дочь свидетельствует, что накануне того дня, когда стреляли в Карла, слышала, как Кэй говорит кому-то по телефону, мол, все улажено и не пройдет двадцати четырех часов, как ее проблемы закончатся. Милую барышню зовут Алисса. Постарайся относиться к ней добрее. Возможно, ее слабоумная шлюховатость станет ключом к освобождению нашей клиентки.

Хардвик выжимал шестьдесят пять миль в час на петляющем участке дороги с ограничением скорости в сорок пять. Гурни проверил ремень безопасности.

– Не объяснишь, почему?

– Алиссе девятнадцать, красотка, что твоя кинозвезда, сладчайший яд. Мне говорили, у нее в очень интимном месте вытатуирована надпись «Без границ». – Лицо Хардвика расплылось в ухмылке. – А еще она сидит на героине.

– И чем это поможет Кэй?

– Терпение. Похоже, Карл на дочурку не скупился. Баловал так, что вконец испортил, то есть, даже переборщил. Пока был жив. А вот с завещанием совсем другая история. Может, на него снизошло прозрение, что вертихвостка вроде Алиссы способна натворить бед, получив в распоряжение несколько миллионов баксов. Так что по завещанию все переходит к Кэй. И на момент покушения он ничего не поменял – может, еще не решил насчет развода или просто руки не дошли: факт, который прокурор особенно подчеркивал и считал главным мотивом Кэй к убийству.

Гурни кивнул.

– А после выстрела он уже не мог ничего менять.

– Именно. Но тут дело в другом. Как только Кэй осудили, это означало, она не унаследует ни цента, поскольку закон воспрещает наследнику получать имущество того, в чьей смерти он виновен. Все средства, которые должны отойти виновнику, распределяются среди ближайших родственников. В данном случае это Алисса Спалтер.

– Она получила деньги Карла?

– Не совсем. Это дело небыстрое, мягко говоря, а апелляция приостановит процесс до вынесения окончательного решения.

Гурни начал терять терпение.

– Так с какой радости мисс «Без границ» становится ключом ко всему?

– У нее, безусловно, имелся крайне весомый мотив сделать все возможное, чтобы Кэй признали виновной. Ты можешь сказать, у нее был еще и весомый мотив самой убить отца при условии, что обвинят кого-то другого.

– И что? В деле – ни единого упоминания хоть о каких-нибудь уликах, связывающих ее со стрельбой. Я что-то упустил?

– Ничего.

– Так куда эта дорожка тебя приводит?

Улыбка Хардвика стала еще шире. Куда бы ни приводила его эта дорожка, а процесс расследования явно заводил его. Кстати, Гурни покосился на спидометр и отметил, что стрелка колебалась уже в районе семидесяти. Они ехали вниз по холму близ западной части водохранилища, приближаясь к крутому повороту возле «Проката каноэ Барни». Гурни стиснул челюсти. У старых спортивных машин уйма лошадиных сил, но на крутых поворотах сладить с ними непросто.

– Куда это меня приводит? – Глаза Хардвика сверкали от удовольствия. – Что ж, позволь тебя кое о чем спросить. Ты сказал бы, что тут намечается конфликт интересов... некоторое нарушение служебной процедуры... не совсем беспристрастное расследование... если потенциальная подозреваемая по делу об убийстве трахается с главным следователем?

– Что? Клемпер? И Алисса Спалтер?

– Мак Мудак и Слабоумная Шлюха.

– Бог ты мой. А доказательства у тебя есть?

На миг широкая улыбка сделалась еще шире и лучезарнее.

– Знаешь, Дэйви, старичок, я как раз думаю, что это еще одна мелочь, в которой ты нам можешь помочь.

Глава 11

Пташки малые

Гурни промолчал. И молчал следующие семнадцать минут, пока они ехали от водохранилища к Уолнат-Кроссингу, а оттуда вверх по петляющему и грязному проселку от сельской дороги к его пруду, лугу и дому.

Уже возле дома, сидя в трясущемся на холостом ходу «Понтиаке», он понял, что должен что-то сказать, – и хотел, чтобы его слова прозвучали недвусмысленно.

– Джек, у меня такое ощущение, будто мы с тобой в этом деле движемся в разных направлениях.

Вид у Хардвика стал, точно он проглотил какую-то кислотину.

– Это как?

– Ты все толкаешь меня к проблемам предвзятого расследования, некачественного судопроизводства и так далее.

– Ну так все апелляции об этом.

– Понимаю. И к этому я еще приду. Но я не могу с этого начинать.

– Но если Мак Клемпер...

– Знаю, Джек, знаю. Если ты в состоянии доказать, что главный следователь проигнорировал целую линию расследования только потому...

– Потому что трахался с потенциальной подозреваемой! Да этого одного хватит, чтобы оспорить приговор. Бинго! Что тут плохого?

– Плохого ничего. Проблема в том, что у меня другой подход и я движусь в другом направлении.

– Нужно сделать первый шаг, крошечный: поболтать с умопомрачительной Алисой, прикинуть, с кем мы имеем дело: на какие кнопки нажимать, чтобы расположить ее к нам, под каким углом...

– Вот видишь, именно это я и имею в виду, когда говорю, что мы движемся в разных направлениях.

– Да о чем ты?

– Для меня такой вот разговор может стать разумным десятым шагом, а не то одиннадцатым, но уж никак не первым.

– Твою мать! Ты делаешь из мухи слона.

Гурни смотрел в боковое окно. Над гребнем холма за прудом медленно кружил ястреб.

– Помимо завлечения Кэй Спалтер – что еще, по твоим раскладам, я приношу на эту вечеринку?

– Я уже говорил.

– Ну так повтори снова.

– Ты – член команды по стратегии. Боец. Один из тех, кто принимает основные решения.

– И что?

– А что тебя не устраивает-то?

– Если хочешь, чтобы я внес свою лепту, дай мне делать это на мой лад.

– Ты кто, долбаный Фрэнк Синатра?

– Если ты хочешь, чтобы я сделал десятый шаг раньше первого, я тебе помочь не смогу. Хардвик издал нечто вроде раздраженного вздоха.

– Отлично. И что ты хочешь?

– Мне надо начать с начала. С Лонг-Фоллса. Кладбища. Дома, откуда стреляли. Мне надо побывать там, где это все произошло. Увидеть самому.

– Какого хрена-то? Хочешь провести расследование с самого, твою мать, начала?

– Не такая уж и плохая идея.

– Да не надо тебе этого.

Он уже собирался сказать Хардвику, что тут затронута нечто большее, нежели практические цели апелляции. Вопрос истины. Истины с большой буквы. Но звучало бы это все так претенциозно, что он промолчал.

– Мне надо выйти к истокам. В буквальном смысле слова.

– Не понимаю, какого черта ты за это цепляешься. Мы фокусируемся на ляпах Клемпера, а не на гребаном кладбище.

Они спорили еще добрых десять минут.

В конце концов Хардвик капитулировал, качая головой от возмущения.

– Делай, что хочешь. Только не трать понапрасну все время мира, хорошо?

– Я время тратить понапрасну вообще не намерен.

– Как скажешь, Шерлок.

Гурни вылез из машины. Тяжелая дверца захлопнулась за ним с таким стуком, какой был не свойствен машинам вот уже лет десять.

Хардвик наклонился к раскрытому пассажирскому окну.

– Только держи меня в курсе, хорошо?

– Обязательно.

– И не торчи слишком долго на кладбище. То еще местечко.

– В каком это смысле?

– Скоро сам поймешь.

Хардвик прибавил оборотов и без того невозможно шумному мотору. Горловое бурчание перешло в рев. Затем он отпустил педаль, развернул старый красный «Понтиак» на пожухшей траве и покатил вниз к дороге.

Гурни снова посмотрел на ястреба, плавно скользившего над хребтом, а потом вошел в дом, рассчитывая увидеть Мадлен или услышать звуки виолончели. Окликнул ее. Однако на его голос отозвалось лишь странное ощущение пустоты, неизменно воцарявшееся в доме, стоило Мадлен уйти.

Какой сегодня день недели? Не один ли из трех, когда она работает в клинике? Да вроде нет. Гурни пошарил в памяти, не упоминала ли она какие-нибудь встречи общественного комитета, занятия йогой, собрание добровольцев по прополке общественного сада или поездку по магазинам в Онеонту. Но ничего не припоминалось.

Он снова вышел и обвел взглядом пологие склоны по обеим сторонам от дома. С верхнего луга на него смотрели три оленя. Ястреб все так же парил, на этот раз по широкой дуге, лишь легонько меняя положение распростертых крыльев.

Гурни снова окликнул Мадлен и поднес сложенные чашечкой ладони к ушам, прислушиваясь. Никакого ответа. Однако тем временем он краем глаза заметил внизу, ниже луга, за деревьями мимолетное движение – мелькнуло что-то ярко-красное, оттенка фуксии, за углом сарайчика.

В их маленьком укромном мире, насколько он мог припомнить, на самом конце дороги могло оказаться только две вещи оттенка фуксии: нейлоновая ветровка Мадлен и сиденье велосипеда, подаренного им ей на день рождения вместо того, что сгорел при пожаре в старом амбаре.

Снедаемый любопытством, Гурни зашагал через луг, снова выкликая имя жены – теперь уже твердо уверившись, что видел именно ее ветровку. Но ответа снова не дождался. Пройдя через нестройный ряд саженцев, окаймлявших луг, и оказавшись на выкошенной полянке возле сарая, он обнаружил, что Мадлен сидит на траве у дальнего края, сосредоточенно глядя на что-то, чего ему отсюда видно не было.

– Мадлен, почему ты не...? – В его голосе явственно сквозило раздражение на ее молчание. Но Мадлен, не поворачивая головы в его сторону, подняла руку предостерегающим жестом – мол, либо не шуми, либо не подходи.

Он остановился и замолчал. Мадлен поманила его к себе. Подойдя ближе, он встал у нее за спиной и заглянул за угол сарая. И тут-то увидел их: четырех кур, которые безмятежно сидели на травке, опустив головы и поджав лапы. Петушок устроился с одной стороны от вытянутых ног Мадлен, а курицы с другой. Уставившись на столь неожиданную живую картинку, Гурни услышал тихое кудахтанье – то самое умиротворенное квохтанье, что издают курицы на насесте перед тем, как заснуть.

Мадлен подняла взгляд на мужа.

– Им нужен домик и огороженный дворик вокруг, чтобы побегать. Чтобы они могли вволю бывать на свежем воздухе. Только и всего. Уж это-то мы должны им обеспечить.

– Ну да. – Напоминание о маячившей впереди стройке раздражало. Гурни посмотрел на кур в траве. – А обратно в сарай ты их как загонишь?

– Запросто. – Она улыбнулась, скорее курам, чем ему. – Запросто, – повторила она шепотом. – Мы скоро вернемся в сарай. Просто хотим еще несколько минут понежиться на травке.

Через полчаса Гурни сидел перед компьютером у себя в кабинете, продираясь через сайт Церкви Киберпространства – «Ваш Портал к Жизни Радостной». Вполне предсказуемо, учитывая название организации, было то, что ему никак не удавалось найти ни фактического адреса, ни фотографии какого-либо реального, из кирпичей и известки, штаба организации.

Раздел «Контакты» предлагал лишь один-единственный вариант связи: по электронной почте. На выскакивающей форме имелся адрес: jonah@cyber-cathedral.org.

Гурни призадумался – до чего же обезоруживающее, трогательное предположение, будто любой комментарий, вопрос или просьба о помощи отправятся напрямую отцу-основателю. Что, в свою очередь, наводило на размышления о том, какие комментарии, вопросы и просьбы о помощи появлялись на этом веб-сайте. В поисках ответа он бродил по сайту еще добрых двадцать минут.

В конце концов у Гурни сложилось впечатление, будто обещанная жизнь радостная была в нью-эйджевской тональности: расплывчатая философия, картинки в пастельных тонах, хорошая погода. Вся организация словно бы источала сладенькую заботливость, что сродни присыпке для младенцев. Как будто производители открыток «Холмарк» вдруг решили основать собственную религию.

Дольше всего внимание Гурни удерживала фотография самого Йоны Спалтера, размещенная на гостевой страничке. Сделанная в высоком разрешении и, судя по всему, почти без ретуши, она казалась даже неуместной, до того контрастировала со всей этой приторной чепухой своей строгой искренностью.

Очертаниями лица Йона слегка напоминал Карла – те же густые, чуть волнистые волосы, прямой нос, решительный подбородок. Но на том сходство и заканчивалось. Если глаза Карла на предсмертной фотографии были полны беспредельного отчаяния, глаза Йоны словно бы смотрели в будущее, исполненное нескончаемого успеха. Лица братьев, точно классические маски трагедии и комедии, были поразительно схожи – и абсолютно различны. Если, как говорила Кэй, братья увязли в бесконечных раздорах и если фотография Йоны правдиво передавала нынешний его облик, не оставалось сомнений, кто из братьев вышел из схватки победителем.

Помимо фотографии Йоны на гостевой страничке висел длинный список разнообразных тем. Гурни выбрал одну из верхних: «Всего лишь человек». Он кликнул на ссылку, открылась страничка с переплетенными маргаритками, и из столовой раздался голос Мадлен:

– Ужин на столе.

Сама она уже сидела за маленьким круглым столиком в закутке у французских дверей – они всегда там ели, если не принимали гостей и не накрывали длинный стол. Гурни уселся напротив жены. На тарелке у каждого лежало по щедрой порции жареной пикши с морковью и брокколи. Гурни наколот на вилку кусочек морковки, поднес ко рту и понял, что не так уж голоден. Но есть продолжал. Он не слишком-то любил пикшу: она напоминала ему безвкусную рыбу, которую готовила мать.

- Ну как, загнала всех обратно в сарай? – спросил он скорее с досадой, чем с интересом.
- Конечно.

Осознав, что потерял счет времени, Гурни глянул на часы на противоположной стене. Была уже половина седьмого. Он повернулся к стеклянной двери – оттуда на него глядело яростно пылающее солнце, висевшее прямо над кромкой холма. Оно навевало ему мысли не столько о всяких романтических картинках заката, сколько о киношной лампе из комнаты для допросов.

Ассоциативный ряд унес его обратно к вопросу, заданному им всего лишь несколько часов назад в «Бедфорд-Хиллс», к нечеловечески пристальному взгляду зеленых глаз, которые больше подходили нарисованной кошке, чем женщине в тюремной одежде.

– Не хочешь мне рассказать? – Мадлен наблюдала за ним с тем всепонимающим выражением, которое порой заставляло его гадать, а вдруг он, сам того не замечая, шепотом проговаривает свои мысли.

- Насчет...

– Про твой день. Про ту женщину, с которой ты встречался. Чего хочет Джек. Твои планы. Веришь ли ты в ее невиновность.

Ему как-то не приходило в голову, что он хочет об этом поговорить. Но, пожалуй, он и вправду хотел. Гурни отложил вилку.

– Штука в том, что я сам не знаю, чему верить. Если она и лгунья, то превосходная. Может даже, лучшая, каких я только видел.

- Но тебе не кажется, что она лгунья?

– Не знаю. Похоже, она хочет, чтобы я поверил в ее невиновность, но из кожи вон не лезет, чтобы убедить меня. Наоборот, словно нарочно усложняет мне задачу.

- Умно.

- Умно. Или... честно.

- А может, все сразу.

- Точно.

- И что еще?

- Ты о чем?

- Что еще ты в ней увидел?

Он несколько секунд подумал.

- Гордость. Силу. Упрямство.

- Она привлекательна?

- Не думаю, что употребил бы слово «привлекательная».

- А какое тогда?

- Впечатляющая. Решительная. Страстная.

- Безжалостная?

– А! Сложный вопрос. Если ты имеешь в виду – достаточно ли она безжалостна, чтобы убить мужа ради денег, я пока не могу ответить ни да, ни нет.

Мадлен повторила «пока» – так тихо, что он еле расслышал.

– Я хочу предпринять по крайней мере еще один шаг, – сказал он, но уже произнося эту фразу, отчетливо сознавал, что она не совсем искренна.

Судя по скептическому блеску в глазах Мадлен, она это тоже сознавала.

– И этот шаг...

– Хочу осмотреть место преступления.

– Разве в бумагах, что тебе Джек принес, не было фотографий?

– Фотографии и зарисовки с места преступления отражают реальность процентов на десять, не больше. Надо самому там постоять, побродить вокруг, прислушаться, приняться, прочувствовать, что это за место, какие оно дает возможности и какие накладывает ограничения, что там за район, какое движение на дорогах, что могла видеть жертва, что мог видеть убийца, как он мог туда прийти, куда ушел, кто мог его видеть.

– Или – ее.

– Или ее.

– Так когда ты собираешься всем этим заняться? Приняться, прислушаться и все прочувствовать?

– Завтра.

– Не забыл про ужин?

– Завтра?

Мадлен изобразила многострадальную улыбку.

– Мой клуб йоги. У нас. Ужин.

– Ах да, конечно. Все в порядке. Без проблем.

– Уверен? Ты будешь?

– Без проблем.

Она посмотрела на него долгим взглядом, а потом отвела глаза, словно закрывая тему. Поднялась, открыла французскую дверь, глубоко вдохнула прохладный воздух.

А через миг из леса за прудом раздался тот странный, исполненный одиночества крик, похожий на зов призрачной флейты.

Гурни поднялся со стула и прошел мимо Мадлен на мощный камнями дворик. Солнце уже нырнуло за гребень холмов, и температура сразу словно бы упала на пятнадцать градусов. Застыв на месте, он ждал, не повторится ли этот потусторонний звук.

Но услышал лишь тишину – такую глубокую, что его пробрала дрожь.

Глава 12

«Ивовый покой»

На следующее утро Гурни спустился на кухню, голодный, как волк.

Мадлен стояла перед раковиной и крошила хлеб на тарелку, половину которой уже занимала мелко нарезанная клубника. Раз в неделю она давала курам что-нибудь лакомое – вдобавок к корму из сельскохозяйственного магазина.

Более чем консервативный наряд Мадлен напомнил Гурни, что сегодня у нее рабочий день в клинике. Он бросил взгляд на часы.

– Не опаздываешь еще?

– Меня Хэл подберет, так что... без проблем.

Насколько помнил Гурни, Хэл был директором клиники.

– Почему?

Она уставилась на него.

– Ах да, твоя машина в ремонте. Но почему Хэл вдруг?

– Я упомянула на работе про неполадки с машиной, а Хэл сказал, он все равно мимо едет. А кроме того, если я опаздываю потому, что он опоздал, на кого ему пенять? И кстати об опозданиях – ты же не опоздаешь, правда?

– Опоздаю? Куда?

– Да сегодня же. На ужин клуба йоги.

– Разумеется.

– И ты не забудешь позвонить Малькольму Кларету?

– *Сегодня?*

– День ничуть не хуже всех остальных.

С дороги через луг донесся шум мотора. Мадлен подошла к окну.

– Это он, – беззаботно заметила она. – Мне пора.

Торопливо подлетев к Гурни, она поцеловала его, одной рукой подхватила с буфета сумочку, а второй – тарелку с хлебом и клубникой.

– Хочешь, оттащу туда это куриное добро вместо тебя? – спросил Гурни.

– Нет. Хэл вполне может остановиться на пару секунд у сарая. Я сама их покормлю. Пока!

Пройдя через холл мимо кладовки, она вышла через заднюю дверь.

Гурни следил из окна, как блестящий черный «Ауди» Хэла медленно ползет вниз к сараю, заезжает за него ближе к двери и через пару минут снова появляется из-за угла и едет к дороге.

Было всего пятнадцать минут девятого, а его день уже был отравлен мыслями и эмоциями, без которых он охотно обошелся бы.

По опыту Гурни было известно: лучшее лекарство от душевной смуты – это начать действовать, двигаться вперед.

Отправившись в кабинет, он взял дело Спалтеров и увесистый пакет с документами, описывающими путешествие Кэй по системе судопроизводства после того, как ей было предъявлено обвинение, – досудебными ходатайствами, судебными протоколами, копиями иллюстративных материалов обвинения и вещественными доказательствами, а также поданной первоначальным адвокатом рутинной апелляцией по факту приговора. Гурни перетащил это все в машину, поскольку понятия не имел, что именно ему может понадобится в течение дня.

Вернувшись в дом, он достал из шкафа простой серый пиджак – тот, из которого почти не вылезал в Эпоху Работы и который после выхода в отставку надевал от силы три раза. В сочетании с темными брюками, голубой рубашкой и ботинками армейского стиля этот пиджак буквально вопил: «Полицейский!» – никакой формы не надо. Гурни подумалось, что в Лонг-

Фоллсе это будет нелишним. Оглядевшись напоследок в доме, он снова пошел к машине и ввел в адрес навигатора на приборной доске кладбище «Ивовый покой».

Через минуту он катил прочь – и уже чувствовал себя гораздо лучше.

Подобно многим старым городкам, построенным на почти утративших коммерческое значение реках и каналах, Лонг-Фоллс словно бы из последних сил греб против течения, сражаясь с упадком.

Там и сям виднелись следы попыток как-то оживить город. Заброшенную хлопчатобумажную фабрику отдали под офисы. В бывшем цеху по производству гробов обосновалось несколько магазинчиков, а длинное, на целый квартал, здание из покрытых сажей кирпичей оттенка застарелых струпов, над входом которого гранитная плита гласила «Маслобойня „Сладкий клевер“», украсила новая широкая вывеска – «Студия и галерея Северного Искусства», – прибитая над старой доской.

Однако, проезжая главной улицей города, Гурни насчитал по меньшей мере шесть заброшенных зданий, реликтов времен процветания. Множество пустых парковок, мало народа на улицах. Худосочный подросток в типичном прикиде неудачника – сползающие джинсы, поношенная бейсболка на несколько размеров больше, чем надо, – стоял на углу безлюдной улицы, держа на коротком поводке мускулистого пса. Притормозив на красный, Гурни увидел, что тревожные глаза подростка обшаривали проезжающие мимо машины с характерным наркоманским выражением надежды и безразличия в одно и то же время.

Гурни иногда казалось, что в Америке что-то очень и очень неладно. Большая часть поколения заразилась невежеством, ленью и вульгарностью. Для молодых женщин стало самым обычным делом иметь, скажем, троих маленьких детей от разных отцов, двое из которых уже сидят в тюрьме. А места вроде Лонг-Фоллса, некогда бывшие заповедниками простой и мирной жизни, теперь ничем не выделялись на общем удручающем фоне.

Поток этих мыслей прервал авторитетный голос навигатора, сообщивший:

– Прибываем на место назначения, сверните направо.

Указатель, расположенный рядом с опрятным асфальтированным съездом с шоссе, гласил лишь «Ивовый покой», не уточняя характер места. Гурни свернул и проехал через распахнутые кованые железные ворота за ограду из желтого кирпича. Ухоженные насаждения по обе стороны от входа создавали впечатление не столько кладбища, сколько первоклассной загородной резиденции. Подъездная дорога вела к маленькой пустой парковке перед коттеджем в английском стиле.

Длинные, густые ряды фиолетово-желтых анютиных глазок под старомодными решетчатыми окнами напомнили Гурни причудливо-небрежную манеру популярнейшего художника, имя которого напрочь вылетело у него из головы. Рядом с мощеной дорожкой, бегущей от парковки к двери домика, торчал указатель «Информация для посетителей».

Когда Гурни двинулся по дорожке, дверь открылась и на широкое каменное крыльцо выскочила женщина, по всей очевидности, не замечая его. Одета она была по-простому, словно бы для какой-нибудь легкой работы в саду, на что указывали также маленькие садовые ножницы у нее в руке.

Гурни дал бы ей лет пятьдесят с небольшим. Во внешности женщины более всего привлекали взгляд волосы: снежно-белые, подстриженные короткими ступеньками, с неровными рваными прядками вокруг лица и шеи. Мать Гурни тоже носила такую прическу, когда она впервые вошла в моду во времена его детства. Он даже название припомнил: «артишок». Слово это, в свою очередь, вызвало у него мимолетное беспокойство.

Она с удивлением посмотрела на Гурни.

– Простите, не слышала, как вы подъехали. Как раз собиралась кое-чем тут заняться. Я Полетта Парли. Чем могу помочь?

За время пути в Лонг-Фоллс Гурни обдумал несколько вариантов ответа на вопрос о поводе его визита и остановился на тактике, которую мысленно окрестил «тактикой минимальной честности»: рассказывать достаточно правды, чтобы не поймали на лжи, но так, чтобы не возбудить ненужного беспокойства.

– Да сам еще не знаю, – он улыбнулся невинной улыбкой. – Можно мне тут немного пройтись?

Ее непримечательные карие глаза словно бы оценивали его.

– Вы уже бывали тут?

– Это мой первый визит. Но у меня есть карта, скачал из «Гугла» и распечатал.

На лицо Полетты Парли набежала тень скептицизма.

– Пойдите минуточку. – Она повернулась, скрылась в коттедже и чуть погодя вернулась с красочной брошюрой. – Может пригодиться – просто на случай, если ваша гугловская карта не слишком вразумительна. – Она помолчала. – Проводить вас к месту упокоения кого-то из ваших друзей или родственников?

– Нет. Но спасибо. Такой чудесный день. Я предпочел бы побродить немного сам.

Она озабоченно посмотрела на небо – хоть и голубое, но наполовину затянутое тучами.

– Говорили, может пойти дождь. Если вы назовете имя...

– Вы очень добры, – отозвался он, отступая назад, – но я сам.

Вернувшись на маленькую парковку, Гурни увидел на другой стороне вымощенную плитками дорожку, что вела под увитую розами шпалеру, рядом с которой висела табличка «Вход для пешеходов». Пройдя в арку, он оглянулся. Полетта Парли все еще стояла перед домиком, глядя ему вслед с выражением озабоченного любопытства.

Гурни не потребовалось много времени, чтобы понять, что именно имел в виду Хардвик, характеризуя «Ивовый покой» как «то еще местечко». Оно не слишком напоминало другие кладбища, где ему приходилось бывать. Но чувствовалось в нем и что-то очень знакомое. Он только никак не мог вычислить, что именно.

Планировка кладбища была такова, что вдоль окружающей его низкой кирпичной стены, слегка извиваясь, тянулась мощенная брусчаткой дорожка, от которой к центру кладбища через регулярные интервалы отходили дорожки поменьше, теряющиеся в густых зарослях рододендронов, сирени и тсуги. От этих дорожек, в свою очередь, ответвлялись еще более узкие, каждая из которых заканчивалась на выкошенной лужайке размером с небольшой задний дворик. Соседние участки отделялись друг от друга кустами высокой, по пояс, спиреи и клумбами лилейника. На каждом участке, куда заглянул Гурни, было несколько мраморных могильных плит вровень с землей. Вместо традиционного указания дат рождения и смерти на этих плитах помимо имени стояла лишь одна дата.

Рядом с проездом к каждому участку стоял простой черный почтовый ящик с выгравированной фамилией. По пути Гурни открыл несколько таких ящиков, но ни в одном из них ничего не обнаружил. После двадцати минут поисков он наткнулся на почтовый ящик с фамилией Спалтер. Ящик этот отмечал вход на самый большой участок из тех, что попались Гурни до сих пор. Он располагался, по всей видимости, на самом высоком месте «Ивового покоя», на пологом подъеме, откуда просматривалась неширокая речушка за оградой. За рекой тянулась автомагистраль, разрезающая город на две части. С другой стороны дороги стоял комплекс трехэтажных домов, окна которых выходили на кладбище.

Глава 13

Смерть в Лонг-Фоллсе

Гурни уже ознакомился с основными топографическими характеристиками этого места – его рельефом, размером, расстояниями. Все это было тщательно задокументировано в материалах дела. Однако собственными глазами увидеть дома напротив, а затем вычислить то самое окно, из которого была выпущена роковая пуля – выпущена туда, где он сейчас стоял, – вот это по-настоящему встряхивало. Эффект столкновения реальности с умозрительными представлениями. Гурни уже много раз переживал этот эффект на местах других преступлений. Именно из-за расхождения между мысленной картинкой и реальными впечатлениями было так важно самому побывать здесь.

Физическое место преступления – действительность настолько конкретная, не выхоленная, какую не передать никаким фотографиям и описаниям. Оно содержит ответы – только подойди к нему, распахнув пошире и глаза, и разум. Оно расскажет тебе целую историю – только смотри внимательнее. Оно дает тебе, причем в буквальном смысле, площадку для старта, где можно встать и обозреть все реально существующие детали.

Закончив предварительное обследование всего кладбища в целом, Гурни сосредоточился на подробном изучении участка Спалтеров, вдвое превосходившего размерами самый большой участок, что встречался Гурни по дороге. По прикидке Гурни выкошенная площадка в центре была пятьдесят на семьдесят футов. Со всех сторон ее окружала невысокая живая изгородь из ухоженных розовых кустов.

Гурни насчитал восемь низких, ниже уровня травы, могильных плит, расположенных рядами таким образом, что на каждую могилу приходилось примерно шесть на двенадцать футов. Самой ранней датой, 1899, была отмечена плита с именем Эммерлинг Спалтер. Самая поздняя, 1970, значилась на плите с именем Карла Спалтера. Очертания букв на блестящей поверхности плиты были четкими, их явно выгравировали совсем недавно. Но, безусловно, это была не дата смерти. Тогда рождения? Скорее всего.

Глядя на плиту, Гурни заметил, что она соседствовала с надгробьем Мэри Спалтер, его матери, на чьих похоронах Карл был смертельно ранен. На плите по другую сторону могилы Мэри Спалтер стояло имя Джозефа Спалтера. Отец, мать и убитый сын. Весьма своеобразная семейная встреча на своеобразном кладбище. Отец, мать и убитый сын – сын, надеявшийся стать губернатором, – все, превратившиеся в ничто, совершенное ничто.

Размышляя о прискорбной тщетности жизни человеческой, Гурни услышал позади тихий металлический гул и, обернувшись, увидел, как у границы розовых кустов вокруг участка Спалтера останавливается электрическая мототележка. За рулем сидела Полетта Парли.

– Еще раз здравствуйте, мистер... Простите, не знаю вашего имени. – Она вопросительно улыбнулась.

– Дэйв Гурни.

– Здравствуйтесь, Дэйв. – Она вылезла из тележки. – Я как раз собиралась на обход, когда заметила, что тучи-то надвигаются. – Она неопределенно указала на серые тучи на западе. – Вот и подумала, зонтик вам пригодится. Не хотите же вы попасть под ливень без зонтика. – Она подняла с тележки ярко-синий зонтик и протянула Гурни. – Промокнуть хорошо, когда плаваешь, а вот в другой ситуации совсем не так приятно.

Он взял зонтик, поблагодарил смотрительницу и выждал, пока она заговорит напрямик – вне всяких сомнений, ее привела сюда вовсе не забота о том, как бы он не промок.

– Просто занесите в дом на обратном пути. – Полетта Парли двинулась было обратно к тележке, но вдруг остановилась, словно в голову ей пришел новый вопрос. – Вы нашли дорогу?

– Да-да. Ну само собой, этот участок и так...

– Это владение, – перебила она.

– Прошу прощения?

– Мы в «Ивовом покое» избегаем лексики, применяемой в отношении обычных кладбищ. Мы предлагаем семьям *владения*, а не унылые маленькие *участки*. Я так понимаю, вы не член семьи?

– Нет.

– Тогда, наверное, друг семьи?

– В некотором роде. Могу ли поинтересоваться, почему вы спрашиваете?

Полетта Парли вглядывалась в его лицо, словно бы ища подсказку, как продолжать разговор. Похоже, что-то в выражении лица Гурни ее успокоило. Она понизила голос и перешла в доверительный регистр.

– Простите. Никак не хотела вас задеть. Но вы же и сами понимаете, владение Спалтеров – особый случай. Иногда у нас бывают проблемы с... как бы их назвать? С охотниками до сенсаций. Упырями, если уж говорить начистоту. – Она с демонстративным отвращением скривила губы. – Когда случается какая-нибудь трагедия, зеваки сразу сбегаются – поглазеть, пофотографировать. Отвратительно, правда? В смысле, ну это же трагедия. Ужасная трагедия для всей семьи. Вы можете представить? В человека стреляют прямо на похоронах его родной матери! Он изувечен! Превращен в парализованного калеку! В овощ! Потом он умирает. А убийцей оказывается его же собственная жена! Ужасная, ужасная трагедия! А что зеваки? Стекаются сюда с фотоаппаратами. Фотоаппаратами! Иные даже пытались украсть наши розовые кусты. Растащить на сувениры! Можете представить? Ну и разумеется, поскольку я тут управляющий, это все моя ответственность. Мне дурно становится от одних только разговоров об этом. Тошнит просто! Не могу даже...

Она беспомощно махнула рукой.

Уж слишком пылко дамочка протестует, отметил Гурни. Похоже, «трагедия» возбуждает ее ничуть не меньше, чем зевак, которых она так осуждает. Однако что тут особенного? Мало что так раздражает в других людях, как твои же собственные недостатки, выставленные в самом неприглядном виде.

Тут Гурни сообразил, что явное пристрастие собеседницы к драме дает ему отличный способ завязать беседу. Он посмотрел ей в глаза так, словно глубоко понимал и разделял ее образ мыслей.

– Вы и вправду принимаете это все близко к сердцу, верно?

Она растерянно заморгала.

– Близко к сердцу? Ну разумеется. Разве не видно?

Вместо ответа он задумчиво отвернулся, подошел к розовым кустам и рассеянно потыкал мягкую почву кончиком зонтика, который ему дала Полетта Парли.

– Кто вы? – наконец спросила она. В ее голосе Гурни померещилась нотка взволнованного интереса.

Он продолжал тыкать зонтиком в землю.

– Я вам уже сказал, меня зовут Дэйв Гурни.

– Зачем вы пришли?

Он снова ответил, не поворачиваясь.

– Скоро скажу. Но сперва позвольте задать вам один вопрос. Какова была ваша реакция – о чем вы подумали в самую первую очередь, – когда узнали, что Карла Спалтера застрелили?

Она замялась.

– Вы репортер?

Он повернулся, достал бумажник и показал ей золотой значок сотрудника полиции Нью-Йорка. На таком расстоянии прочитать слово «в отставке» в самом низу она не могла, а подходить и разглядывать вблизи не стала. Гурни закрыл бумажник и снова убрал в карман.

– Вы детектив?

– Верно.

– О! – По лицу у нее пробежала растерянность, любопытство, волнение. – Что... что вас сюда привело?

– Хочу получше понять, что тут случилось.

Она часто заморгала.

– Да что тут понимать? Я думала, все уже... решено.

Гурни сделал несколько шагов в ее сторону, словно собирался поделиться какой-то очень частной информацией.

– Была подана апелляция. Остались еще кое-какие неразрешенные вопросы, возможно, пробелы в доказательствах.

Полетта Парли наморщила лоб.

– Разве не в любом деле об убийстве полагается подавать апелляцию?

– Да, и в подавляющем большинстве случаев приговор остается в силе. Но, возможно, это другой случай.

– Другой?

– Позвольте мне снова задать вопрос. Какова была ваша реакция – о чем вы подумали в *самую первую очередь*, – когда вы узнали, что Карла Спалтера застрелили?

– Когда узнала? Вы имеете в виду, когда я это заметила?

– Заметили?

– Я же первая разглядела.

– Что?

– Да дырочку у него в виске. Сначала я еще сомневалась, дырочка ли это. Ну, то есть, выглядело-то это просто как круглое красное пятнышко. Но потом у него по голове, сбоку, потекла красная струйка. И тут я поняла, просто поняла, и все.

– И сообщили тем, кто был вокруг?

– Ну конечно!

– Потрясающе. Расскажите подробнее.

Она указала на землю в нескольких шагах от места, где стоял Гурни.

– Вот сюда вот, на это самое место, прямо на снег, она и упала – первая капля крови с его виска. До сих пор – так и вижу. Вы когда-нибудь видели кровь на снегу? – Глаза у Полетты Парли расширились от волнения. – Алая-алая, алее не бывает.

– Почему вы думаете, что это произошло именно в этом самом...

Она не дала ему закончить фразы.

– Вот почему.

Она указала на другую точку на земле, примерно в футе от первой.

Лишь подойдя еще на шаг, Гурни увидел маленький зеленый диск, почти скрытый травой. По периметру у него шли крошечные, с булавочную головку, отверстия.

– Оросительная система?

– Он упал лицом вниз, головой всего в нескольких дюймах от этой штуки.

Полетта тоже подошла ближе и указала кончиком ботинка на точку рядом с диском.

– Вот здесь.

Гурни поразила холодность, даже враждебность этого жеста.

– Вы присутствуете на всех похоронах?

– И да, и нет. Как управляющий я всегда где-нибудь рядом. Но обычно остаюсь на благоприличном расстоянии. Я считаю, похороны – для приглашенных членов семьи и друзей. Но, разумеется, на похоронах Спалтеров мое присутствие более заметно.

– Более заметно?

– Видите ли, мне казалось, сесть вместе с семьей и знакомыми мистера Спалтера было бы неуместно, так что я держалась в стороне – но, безусловно, присутствовала более явно, чем на других погребениях.

– Почему же?

Казалось, вопрос ее удивил.

– Да в силу наших отношений.

– То есть?

– «Спалтер Риэлти» – мой работодатель.

– «Ивовый покой» принадлежит Спалтерам?

– Я думала, это всем известно. «Ивовый покой» был основан Эммерлингом Спалтером, дедом... усопшего. А вы не знали?

– Придется уж вам меня простить. Я в этом деле новичок, как и в Лонг-Фоллсе. – Подметив в выражении ее лица критический оттенок, Гурни прибавил заговорщическим тоном: – Видите ли, мне надлежит взглянуть на дело совершенно свежим взглядом. – Он выждал пару секунд, чтобы Полетта осознала скрытый смысл этого заявления, и продолжил: – А теперь вернемся к моему вопросу: что вы почувствовали, когда осознали – заметили, – что произошло?

Смотрительница замялась, поджала губы.

– А почему это так важно?

– Сейчас объясню. А пока позвольте задать другой вопрос. Что вы почувствовали, узнав об аресте Кэй Спалтер?

– О господи! Шок, настоящий шок! Я поверить не могла!

– Вы хорошо знали Кэй?

– Похоже, не так хорошо, как мне казалось. После таких историй поневоле задумываешься, а знаешь ли ты хоть кого-нибудь по-настоящему. – После паузы на лице Полетты появилось пронзительное любопытство. – А к чему это все? Все эти вопросы – что происходит?

Гурни посмотрел на нее долгим испытующим взглядом, словно прикидывая, можно ли ей доверять. Потом глубоко вздохнул и сказал, надеясь, что его слова прозвучат как признание:

– С полицейскими оно вот ведь как занятно выходит, Полетта. Мы рассчитываем, что люди нам расскажут все как на духу, а сами делиться информацией не любим. И я понимаю, почему, но иной раз... – Он помолчал, потом глубоко вздохнул и медленно произнес, глядя ей прямо в глаза: – У меня сложилось впечатление, что Кэй как человек гораздо лучше Карла. Она не из тех, кто способен на убийство. Вот и пытаюсь понять, прав я или ошибаюсь. Но в одиночку мне не справиться. Без помощи других. И мне почему-то кажется, что вы способны мне помочь.

Она несколько секунд смотрела на него, потом чуть вздрогнула и обхватила себя руками.

– Давайте-ка вернемся в дом. Вот-вот дождь пойдет.

Глава 14

Брат дьявола

Домик смотрительницы оказался вовсе не таким китчевым, как опасался Гурни. Вопреки идиллически-сказочному фасаду обстановка внутри была строгой и сдержанной. За передней дверью была скромная прихожая, слева Гурни увидел гостиную с камином и традиционными пейзажиками на стенах. Через дверной проем справа он краем глаза разглядел нечто вроде кабинета с письменным столом из красного дерева и висящей позади стола большой картиной с изображением «Ивового покоя». Гурни вспомнились типичные для девятнадцатого века сельские пейзажи. Прямо впереди, чуть слева, располагалась лестница на второй этаж, а направо – дверь, предположительно ведущая в комнаты задней половины дома. Туда-то и отправилась Полетта Парли готовить кофе, после того как проводила Гурни в гостиную и усадила в кресло перед камином. На каминной полке стояла фотография в рамочке: долговязый мужчина, обвивший рукой молодую Полетту. Волосы у нее тогда были чуть длиннее, пушистые, точно взбитые ветром, и медово-золотистые.

Она принесла на подносе две чашки черного кофе, молочник, сахарницу и две ложечки. Опустив поднос на низкий столик перед камином, она села напротив Гурни в такое же кресло, как у него. Ни он, ни она не промолвили ни слова, пока не добавили себе в кофе молока и сахара, отпили по первому глотку и откинулись на спинки кресел.

Полетта держала чашку обеими руками – то ли чтобы не пролить, то ли пальцы грела. Губы у нее были крепко сжаты, но чуть подергивались.

– Вот теперь пусть льет, сколько угодно, – промолвила она с внезапной улыбкой, точно пыталась прогнать напряжение звуками своего же голоса.

– Меня заинтересовал «Ивовый покой», – сказал Гурни. – Любопытная, должно быть, у него история.

История кладбища ничуть его не волновала, но Гурни думал, что, разговаривая собеседницу, коснувшись темы полегче, сумеет перекинуть мост к более щекотливым материям.

За следующие пятнадцать минут Полетта изложила ему философию Эммерлинга Спалтера. Гурни счел эту философию эскапистским вздором, только в хитроумной упаковке. «Ивовый покой» был вовсе не кладбищем, а последним пристанищем. И на могилах размещали лишь дату рождения, не указывая дня смерти, ибо все мы рождены для жизни вечной. Клиентам «Ивовый покой» предоставлял не могильные участки, а домашние – уголки природы с травой, деревьями и цветами. Каждое владение было рассчитано не столько на одиночек, сколько на семью, причем на несколько поколений, а почтовые ящики у входа в каждое владение призывали еще живущих родственников оставлять своим дорогим ушедшим открытки и письма. (Раз в неделю конверты вынимали, сжигали на маленькой переносной жаровне прямо на участке и зарывали в землю.) Полетта на полном серьезе утверждала, что все в «Ивовом покое» воспевают жизнь в ее бесконечности, красоте, тишине и уединении. Насколько мог судить Гурни, «Ивовый покой» должен был наводить на мысли о чем угодно, кроме смерти. Этого, впрочем, он говорить не стал. Пусть Полетта продолжает рассказывать.

У Эммерлинга и Агнесс Спалтер было трое детей, двое из которых умерли от воспаления легких еще в колыбели. Выжил один лишь Джозеф. Он женился на женщине по имени Мэри Кроук.

У Джозефа с Мэри родилось двое сыновей, Карл и Йона.

Гурни заметил, что одно упоминание этих имен мгновенно сказалось на тоне голоса и выражении лица Полетты. Губы у нее снова начали еле заметно подрагивать.

– Мне говорили, они хоть и братья, но очень различались, – пустил он пробный шар.

– О да! Черное и белое! Каин и Авель!

Она замолкла, гневно уставившись куда-то внутрь себя, в какое-то давнее воспоминание.
– Сдается мне, – осторожно заметил Гурни, – с Карлом было нелегко работать.
– *Нелегко?*

С губ Полетты сорвался короткий горький смешок. Она на несколько секунд прикрыла глаза, а затем словно бы пришла к какому-то решению, и слова хлынули из нее потоком.

– Нелегко? Позвольте кое-что объяснить вам. Эммерлинг Спалтер разбогател, покупая и продавая большие участки земли в штате Нью-Йорк. Свой бизнес, свои деньги и талант их зарабатывать он передал сыну. Джо Спалтер был копией отца, только крупнее и крепче. Совсем не из тех, кого захочешь иметь во врагах. Но им хотя бы руководил здравый смысл. С Джо можно было иметь дело. Он был честен – на собственный, грубый лад. Не добр, не щедр – но честен. Именно Джо нанял моего мужа управляющим «Ивового покоя». Это было... – На несколько секунд вид у нее сделался совершенно отсутствующий. – Ох ты, господи, до чего быстро летит время. Это было пятнадцать лет назад. Пятнадцать.

Она посмотрела на свою чашку, словно дивясь, что все еще держит ее, и аккуратно отставила на стол.

– И Джо был отцом Карла и Йоны? – снова направил беседу в нужное русло Гурни.

Она кивнула.

– Вся темная сторона Джо отошла Карлу, а все, что было достойного и здравомыслящего, – Йоне. Говорят, в каждом из нас есть и хорошее, и плохое, но только не в случае братьев Спалтеров, Йоны и Карла. Ангел и дьявол. Сдается мне, Джо сам это видел и неразрывно связал сыновей именно в попытке решить проблему. Может, надеялся достичь таким образом хоть какого-то равновесия. Само собой, ничего не вышло.

Гурни отпил кофе.

– Что же произошло?

– После смерти Джо они сделались не просто противоположностями, а настоящими врагами. Ни в чем друг с другом не соглашались! Карла интересовали только деньги, деньги, деньги – и плевать, как он их зарабатывал. А Йоне такое положение дел было совершенно невыносимо, тогда-то он основал свою Церковь Киберпространства и исчез.

– Исчез?

– Ну вроде того. С ним можно связаться через сайт церкви, но настоящего адреса у него нет. Ходили слухи, он вечно в движении, живет в доме на колесах, занимается церковным проектом и всем остальным через компьютер. До того, как он появился тут в Лонг-Фоллсе на похоронах матери, его три года никто не видел. И даже тогда мы не знали, что он приедет. Лично мне кажется, он хотел целиком и полностью оторваться от всего, что связано с Карлом. – Она помолчала. – Может, он его даже боялся.

– Боялся?

Полетта наклонилась, взяла чашку со стола и снова обхватила обеими руками. Потом легонько кашлянула.

– Я не шучу. У Карла Спалтера не было ни капли совести. Если он чего-то хотел, думаю, он ни перед чем не остановился бы.

– А что было самым плохим?

– Самое плохое, что он когда-либо сделал? Не знаю и знать не хочу. Но знаю, что он сделал мне – точнее, что пытался сделать.

Глаза ее засверкали от гнева.

– Расскажите.

– Мой муж, Боб, и я – мы жили в этом доме пятнадцать лет, с тех пор, как Боб получил это место. Первый этаж всегда был офисом «Ивового покоя», а маленькая квартирка наверху прилагалась к должности. Мы переехали сразу же, как Боб начал работать. Это место стало нам домом. Мы и работу выполняли вместе, вдвоем. Нам казалось, это даже не столько работа,

сколько взятое нами на себя обязательство. Возможность помочь людям пережить тяжелейший период их жизни. Для нас это было не способом заработать на жизнь – а самой жизнью.

Глаза ее наполнились слезами. Она сморгнула и продолжила:

– Восемь месяцев назад с Бобом случился инфаркт миокарда. Прямо вот тут, в прихожей. – Она покосилась на дверь и на миг закрыла глаза. – Он умер раньше, чем приехала «скорая помощь». – Полетта глубоко вдохнула. – На следующий день после похорон я получила по электронной почте письмо от ассистента Карла из «Спалтер Риэлти». По электронной почте. Там говорилось, что руководство кладбища – вы себе представляете? – руководство кладбища отныне перекладывает на себя ответственность за «Ивовый покой». И для эффективной смены формы управления я должна в течение шестидесяти дней освободить коттедж.

Она посмотрела на Гурни, выпрямившись в кресле, вся пылая от ярости.

– Как вам, а? После пятнадцати лет! На следующий день после похорон! Электронной почтой! Гнусное, оскорбительное, мерзкое письмо! *Ваш муж мертв, выкатывайтесь*. Скажите, детектив Гурни, да каким надо быть человеком, чтобы так поступить?

Выждав, пока эмоции в ней чуть поулягутся, Гурни тихонько произнес:

– Это случилось восемь месяцев назад. Рад видеть, что вы еще здесь.

– Благодаря тому, что Кэй Спалтер оказала мне – и всему миру! – огромное одолжение.

– Вы имеете в виду, что Карл Спалтер был застрелен до истечения этих шестидесяти дней?

– Именно. Что доказывает, что в мире все же иногда случается хоть что-то хорошее.

– Так вы еще работаете на «Спалтер Риэлти»?

– Собственно говоря, на Йону. Когда Карл стал недееспособен, весь контроль над «Спалтер Риэлти» перешел к Йоне.

– Пятьдесят процентов доли Карла не отошли его наследникам?

– Нет. Поверьте, наследство Карла и так огромно – у него была масса других предприятий. Но что касается управления «Спалтер Риэлти», то в соглашение, которое Джо заставил их подписать, входил пункт, что после смерти одного из братьев все переходит второму.

Гурни считал, что этот факт достаточно важен и должен бы фигурировать в деле – однако в материалах он не видел ни одного упоминания об этом. Он сделал мысленную заметку: спросить Хардвика, а он-то в курсе?

– Полетта, откуда вам стало об этом известно?

– Йона объяснил в тот день, когда принимал дела. Йона очень открытый человек. Такое впечатление, будто бы у него и в самом деле ни тайн, ни секретов.

Гурни кивнул, стараясь не выказывать скептицизма. Лично ему никогда не встречался человек совсем без тайн.

– Я так понимаю, он отменил решение Карла передать управление «Ивовым покоем» человеку со стороны?

– Абсолютно. Мгновенно. Собственно, примчался прямо сюда и предложил мне ту же работу, что выполнял Боб, за ту же зарплату. Даже сказал, что работа и дом в любом случае будут моими, пока я сама захочу жить и работать тут.

– Похоже, он человек щедрый.

– Знаете те пустые квартиры за рекой? Он велел охранникам «Спалтер Риэлти» прекратить гонять оттуда бездомных. Даже снова подключил для них электричество – то самое, которое Карл отключил.

– Похоже, он заботится о людях.

– Заботится? – Лицо ее преобразилось от неземной улыбки. – Йона не просто заботится о людях. Он святой.

Глава 15

Циничное предположение

Экстон-авеню, расположенная менее чем в пятистах ярдах от ухоженного заповедника «Ивового покоя», щедро отмеривала дозу подлинной экономической реальности провинции. Половина магазинчиков на первых этажах дышала на ладан, вторая половина была заколочена досками. Квартиры над ними выглядели запустелыми, если не вовсе заброшенными.

Гурни припарковался перед невзрачным магазином электротехники, который, согласно материалам дела, занимал первый этаж того самого здания, откуда стреляли. Логотип, просвечивающий сквозь кое-как покрашенную вывеску над витриной, указывал, что когда-то здесь располагался филиал «Радио Шэка».

Дверь подъезда, соседствующего с входом в магазин, была приоткрыта на несколько дюймов. Гурни распахнул ее и вошел в маленький пыльный вестибюль, тускло освещенный одинокой зарешеченной лампочкой на потолке. В нос тут же ударила стандартная вонь заброшенного городского строения: запах мочи с примесью алкоголя, рвоты, сигаретного дыма, мусора и экскрементов. Звуковая составляющая была такой же привычной и знакомой: голоса двух ругающихся мужчин наверху, хип-хоп, собачий лай и детский плач. Чтобы превратить это все в сцену из какого-нибудь заштампованного фильма, недоставало только хлопанья дверью и стука шагов на лестнице. Ровно в эту секунду сверху раздался вопль: «Твою мать! Да пошел ты!» – и вниз по лестнице и в самом деле кто-то побежал. Гурни улыбнулся бы такому совпадению, но от запаха мочи его уже тошнило.

Звук шагов стал громче, и скоро наверху тонущего в тених лестничного пролета над вестибюлем показался какой-то юнец – тщедушный, остролицый, с резкими чертами и свалывшимися волосами до плеч. Заметив Гурни, он на секунду замешкался, но потом пролетел мимо и выскочил на улицу, где резко остановился, чтобы прикурить. Сделав две глубоких, отчаянных затяжки, он торопливо зашагал прочь.

Гурни прикинул, не спуститься ли в подвал за ключом, спрятанным, по словам Кэй, за батареей, но решил сначала осмотреться, а уже потом, если потребуется, идти за ключом. Может, интересующая его квартира и так отперта. Или занята наркоторговцами. Пистолета, так выручившего его в деле о Добром Пастыре, он обычно с собой не носил – и не хотел нарваться безоружным на какого-нибудь накачанного метадоном психа с АК-47.

Он быстро и бесшумно поднялся через два пролета на верхний этаж. На каждом этаже было четыре квартиры: две выходили на фасад здания, две во двор. Из-за одной из дверей третьего этажа разносился гангста-рэп, за другой надрывался младенец. Гурни по очереди постучал в тихие двери, но не получил никакого ответа, лишь еле слышный гул сдавленных голосов за одной из них. Когда он постучался в две другие квартиры, рэп стал чуть тише, а младенец продолжил орать, как прежде, но открыть никто не вышел. Гурни подумал, не побарабанить ли со всей силы, но быстро передумал. Мягкий подход, как правило, предоставляет более широкий спектр возможностей. А Гурни любил, когда возможностей много, и старался их не упускать.

Он спустился на второй этаж – освещенный, как и остальные, одной-единственной лампочкой на потолке – и, сориентировавшись по фотографии из материалов дела, которую он удержал в памяти, подошел к двери квартиры, откуда был совершен роковой выстрел. Уже прикладывая ухо к двери, он услышал тихие шаги: но не в квартире, а у себя за спиной.

Гурни быстро обернулся.

На верхней ступеньке лестницы, ведущей на первый этаж, стоял крепкий седой мужчина. Неподвижная, напряженная поза, в руке металлический фонарик – незажженный, вместо оружия. Гурни узнал этот захват – так учат держать оружие в полицейских академиях. Вторая рука

покоилась на чем-то, прикрепленном к поясу под тенью темной нейлоновой куртки. Гурни готов был держать пари, что на спине куртки красуется надпись «Охрана».

Во взгляде маленьких глазок незнакомца читалась почти что ненависть. Однако стоило ему внимательнее приглядеться к Гурни и распознать типичное для детектива на задании сочетание дешевого спортивного пиджака, синей рубашки и черных брюк, ненависть растаяла, сменившись чем-то вроде неодобрительного любопытства.

– Ищете кого-нибудь?

Гурни уже слышал похожий голос, для которого злоба и подозрительность стали столь же неотъемлемы, как запах мочи для подъезда, у такого множества полицейских, ожесточившихся за годы службы, что ему казалось, он знаком с этим охранником лично. Не самое приятное ощущение.

– Ищу. Беда только, не знаю имени. А пока мне хотелось бы осмотреть квартиру.

– Что-что? *Осмотреть квартиру*? А может, черт возьми, сперва назоветесь?

– Дэйв Гурни. Полицейский в отставке. Как и вы.

– Откуда вам, черт возьми, знать, кто я такой?

– Не надо быть гением, чтобы узнать ирландского католического копа из Нью-Йорка.

– Это как? – Охранник уставился на него пустым взглядом.

– Когда-то в полиции было полным-полно таких, как мы, – прибавил Гурни. И, как оказалось, попал в самую точку.

– Таких, как мы? Глубокая древность, старина! Глубокая, чтоб тебя, древность!

– Знаю, знаю, – сочувственно покивал Гурни. – Лучшие времена были – куда как лучшие, на мой взгляд. Тебя когда выставили?

– А ты как думаешь?

– Ну скажи.

– Да вот как они там ударились во всю эту политкорректность и расовое разнообразие. Политкорректность! Нет, ну ты слышал? Никаких повышений, если ты не лесбиянка из Нигерии, причем еще навахо по бабушке. А башковитые белые парни пускай катят ко всем чертям. До чего страну довели! Позорище, твою мать, сплошное позорище. Недоразумение какое-то. Америка. Вот раньше это слово что-то значило. Гордость. Сила. А теперь что?

Гурни печально покачал головой.

– Уж только не то, что прежде.

– А я вот тебе скажу, что. Позитивная, твою мать, дискриминация. Вот что. И все это дерьмо на пособиях. Марихуанчики, амфетаминчики, кокаинчики. А знаешь, почему? Я тебе скажу! Позитивная, твою мать, дискриминация!

Гурни хмыкнул, надеясь, что это сойдет за хмурое согласие.

– Сдается мне, кое-кто в этом здании – часть все той же проблемы.

– Не ошибаешься.

– Адская у тебя тут работенка, мистер... прости, не знаю, как по имени.

– Макграт. Фрэнк Макграт.

Гурни шагнул вперед, протягивая руку.

– Приятно познакомиться, Фрэнк. Ты в каком участке служил?

– «Форт Апачи». Там еще кино снимали.

– Тот еще райончик.

– Сплошной дурдом. Никто б и не поверил, какой. Но это все фигня по сравнению с чертовым расовым разнообразием. «Форт Апачи» я еще мог перенести. Помнится, в восьмидесятых у нас два месяца кряду было по убийству в день. А один раз – аж пять за день. Дурдом. *Мы* против *них*. Но как началось это разнообразие, никаких *нас* уже не осталось. Отдел превратился в помойку. Понимаешь, о чем я?

– Еще бы, Фрэнк. Прекрасно понимаю.

– Стыдобища.

Гурни осмотрел крошечную лестничную площадку, на которой они стояли.

– А тут тебе что делать полагается?

– Делать? Ничего! Ничегошеньки! Ну не позорище?

Этажом выше отворилась дверь. Музыка загремела вдвое громче. Дверь хлопнула, музыка снова стала тише.

– Черт, Фрэнк, как ты это выдерживаешь?

Тот пожал плечами.

– Платят прилично. Расписание под меня скроено. Никакая лесбийская сучка через плечо не заглядывает.

– А на работе заглядывала?

– Ага. Капитан Ковырялка.

Гурни выдавил из себя громкий смех.

– На Йону-то работать получше будет.

– Совсем другое дело. – Охранник чуть помолчал. – Ты говорил, хочешь квартиру осмотреть. А собственно...

У Гурни зазвонил телефон. Охранник оборвал фразу на полуслове.

Гурни посмотрел на экранчик. Полетта Парли. Они обменялись номерами, но он не ждал, что она позвонит так скоро.

– Прости, Фрэнк, надо ответить. Одну минутку. – Он нажал кнопку. – Гурни слушает.

В голосе Полетты звучала тревога.

– Надо было мне сразу вас спросить, но я так разозлилась от всех этих разговоров про Карла, что напрочь выскользнуло из головы. Я хотела узнать, можно ли мне об этом рассказывать?

– О чем рассказывать?

– О вашем расследовании, о том, что вы хотите взглянуть на дело «свежим взглядом». Это тайна? Могу я обсуждать это с Йоной?

Гурни осознал: что бы он сейчас ни сказал, нужно учитывать, что это услышит не только Полетта, но и Фрэнк. При таком раскладе выбирать слова, конечно, труднее, но зато и возможности новые открываются.

– Скажем так. Осторожность никогда не повредит. А в расследовании убийства может и жизнь спасти.

– Что вы хотите сказать?

– Если это не Кэй, значит, кто-то еще. Возможно даже, кто-то, кого вы знаете. И если вы никому ничего не скажете, то избежите риска сказать не то и не тому.

– Вы меня пугаете.

– К тому и стремлюсь.

Она замялась.

– Хорошо. Я поняла. Никому ни слова. Спасибо.

Она повесила трубку.

Гурни продолжал говорить, как будто Полетта все еще оставалась на связи.

– Именно... но мне еще надо осмотреть квартиру... нет-нет, все в порядке, я возьму ключ у местных копов или в конторе «Спалтер Риэлти»... конечно, конечно... без проблем. – Он засмеялся. – Ну да, точно. – Снова смех. – Знаю, не очень смешно, но какого черта? Иной раз не удержишься.

Он уже давно понял, что ничто не придает имитации разговора такую убедительность, как непонятный окружающим смех. И ничто так не укрепляет человека в желании дать вам что-нибудь, как уверенность, что вы без труда получите это в другом месте.

Гурни изобразил, что заканчивает разговор и, разворачиваясь к лестнице, почти виновато сообщил:

– Надо заскочить в полицейский участок. У них там для меня запасной ключ. Скоро вернусь.

И принялся торопливо спускаться. Уже почти в самом низу он услышал волшебные слова:

– Эй, можешь и не ходить. У меня есть ключ. Так и быть, я тебя впущу. Только скажи, какого черта тут происходит.

Гурни снова поднялся на темную лестничную площадку.

– Впустишь? А уверен? У тебя точно проблем не будет? Не надо спрашивать разрешения?

– У кого, например?

– Ну, у Йоны.

Охранник отцепил от пояса увесистую связку ключей и отпер квартиру.

– А ему что за печаль? Пока все нищebroды Лонг-Фоллса счастливы, его больше ничего и не волнует.

– У него репутация очень щедрого человека.

– Ну да. Очередная, чтоб его, мать Тереза.

– По-твоему, он не лучше Карла?

– Только пойми меня правильно. Карл был первостатейной сволочью. Его ничего не волновало, кроме денег, бизнеса и политики. Куда ни глянь – сволочь. Но такая сволочь, понятная. Предсказуемая. Ты всегда знал, что ему нужно.

– Предсказуемая сволочь?

– Вот-вот. Но Йона – это совсем другой коленкор. Йону не поймешь. Тот еще фрукт. Вот как тут. Отличный пример. Карл хотел вымести всю эту мразь отсюда и не пускать. Логично, да? А Йона заявляется и говорит – ну нет. Надо дать им приют. Новые такие духовные принципы, чуешь? Почитай всякую мразь. Пусть себе гадят в подъездах.

– А ты, я смотрю, не разделяешь мнения, что из братьев Спалтеров, мол, один ангел, а второй дьявол?

Фрэнк испытующе посмотрел на Гурни.

– То, что ты сейчас говорил по телефону, – это правда?

– Что правда?

– Ну, что, может, это вовсе и не Кэй Карла шлепнула.

– Боже, Фрэнк, я и не осознавал, что говорю так громко. Ты уж теперь не болтай.

– Без проблем, но я вот и спрашиваю – оно и вправду возможно?

– Вправду возможно? Ну да.

– Так что дело отправляется на пересмотр?

– Пересмотр?

– Не упустили ли чего.

Гурни понизил голос.

– Можно сказать и так.

Фрэнк обнажил зубы в расчетливой холодной улыбке.

– Так-так-так. Выходит, может, это и не Кэй стреляла. Уже кое-что.

– Знаешь, Фрэнк, сдается мне, у тебя есть, что мне порассказать.

– Может, и так.

– Буду чрезвычайно признателен за любые твои соображения по этому поводу.

Фрэнк вытащил из кармана куртки пачку сигарет, раскурил одну и сделал длинную, задумчивую затяжку. В улыбке его появилось что-то мелочное, недоброе.

– А не пришло вам в голову, что мистер Само Совершенство, возможно, чуточку чересчур совершенен?

- Йона?
- Он самый. Мистер Щедрость. Мистер Добренький-со-всякой-швалью. Мистер Церковь Киберпространства, чтоб его!
- Похоже, ты видал его с другой стороны.
- Может, с той самой, с какой его и мать видела.
- Его мать? Ты знал Мэри Спалтер?
- Она иногда заглядывала в офис, пока там Карл всем заправлял.
- И она была в неладах с Йоной?
- Ага. Никогда его не любила. Что, ты не знал?
- Нет, но не прочь услышать об этом.
- Да все просто. Она знала, что Карл сволочь, – и ее это не смущало. Она понимала крепких мужиков. А вот Йона для нее был слишком сладенький. Не думаю, что старушка доверяла всей этой приторности. Знаешь, что я думаю? Я думаю, она считала, внутри у него одно дерьмо.

Глава 16

Точно нож

Фрэнк отпер квартиру и договорился с Гурни, что тот никуда не уйдет, пока он не вернется спустя час. Злопамятный Фрэнк продолжил обход – по его словам, речь шла о всех владениях «Спалтер Риэлти» в Лонг-Фоллсе.

Квартирка оказалась небольшой, но по сравнению с унылым подъездом даже симпатичной. Наружная дверь открывалась в тесный коридор с попорченным водой деревянным полом. Справа была маленькая, без окон, кухня, слева – пустая кладовка и ванная комната. Прямо впереди находилась комната средних размеров с двумя окнами.

Гурни открыл оба окна, чтобы впустить свежего воздуха, и посмотрел за Экстон-авеню и узкую речку вдоль дороги, поверх низкой кирпичной ограды «Ивового покоя» – туда, где на пологом склоне, укрытое деревьями, рододендронами и розами, виднелось то самое место, где был застрелен, а потом похоронен Карл Спалтер. С трех сторон окутанное листвой, оно напоминало сцену. Даже порталная арка имелась – иллюзия, сотворенная горизонтальной частью фонарного столба, стоявшего возле дороги со стороны реки. С того места, где находился сейчас Гурни, казалось, будто фонарь нависает над самой сценой.

Такое сходство со сценой подчеркивало театральность всей этой истории в целом. В том, что жизнь человека оборвалась над могилой матери, что он, смертельно раненный, рухнул на ту самую землю, в которую ему было суждено скоро лечь, мерещилось нечто от оперы. И от мыльной оперы – в сопутствующих мотивах алчности и прелюбодеяния.

Гурни застыл, заворуженно разглядывая открывшуюся ему сцену, испытывая ту диковинную дрожь возбуждения, что всегда охватывала его, когда он стоял там, где, по его представлениям, стоял убийца, и видел то, что видел убийца. Правда, в тот злополучный день земля была припорошена снегом и, судя по фотографиям из материалов дела, по другую сторону разверстой могилы Мэри Спалтер стояли в два ряда шестнадцать складных стульев для скорбящих. Желая убедиться в том, что он правильно представил сцену действия, Гурни требовалось разобраться, где именно стояли эти стулья. И переносная трибуна для речей. И где был Карл. Полетта с максимальной точностью описала положение тела Карла, когда он рухнул на землю, но Гурни надо было представить картину целиком, в том виде, какой она была в момент выстрела.

Решив принести из машины фотографии с места убийства, он уже направился к выходу, как вдруг телефон зазвонил снова.

И снова это была Полетта, еще взволнованнее прежнего.

– Послушайте, детектив Гурни, может, я вас неправильно поняла, но меня это и в самом деле очень беспокоит. Я должна вас спросить... вы и впрямь предполагаете, что Йона как-то... ну, то есть, вы сказали правду?

– Я говорил, что, возможно, дело вовсе не так уж окончательно закрыто, как всем кажется. Что, возможно, Карла застрелила не Кэй. Но если это не она...

– Но как вы можете хотя бы предположить, будто Йона...? Кто-кто, а он...

– Постойте. Пока я только и знаю, что знаю слишком мало. И хочу, чтобы вы были осторожнее. Ради вашей же безопасности. Вот и все, что я сказал.

– Хорошо. Понимаю. Простите. – Дыхание у нее чуточку выровнялось. – Я могу вам чем-то помочь?

– Собственно говоря, да. Я сейчас за рекой, в квартире, откуда стреляли. Хочу точно представить, что видел стрелок из окна. Вы мне очень помогли бы, если бы вернулись на то место, где мы сегодня стояли, когда вы показали мне, куда именно упал Карл головой.

– И была еще капля крови на снегу.

– Да. И капля крови на снегу. Вы не могли бы прямо сейчас туда подойти?

– Думаю, да. Конечно.

– Чудесно, Полетта. Спасибо. Прихватите с собой тот ярко-синий зонтик. Из него выйдет хороший сигнальный знак. И телефон не забудьте: позвоните мне, как туда доберетесь. Хорошо?

– Хорошо.

Воодушевленный этим первым шагом вперед, Гурни поспешил к машине за материалами дела и через несколько минут вернулся с бумажным пакетом под мышкой – как раз вовремя, чтобы увидеть, как кто-то заходит в соседнюю квартиру.

Подскочив к двери, Гурни вставил ногу в проем, пока дверь не успела закрыться.

На него уставился низкий жилистый мужчина с забранными в хвост длинными черными волосами. Через пару секунд он заулыбался, как ненормальный, демонстрируя несколько золотых зубов, точно мексиканский бандит в политически некорректном боевике. Гурни подумалось, что пристальная напряженность его взгляда может объясняться наркотиками, естественным стрессом или психическим расстройством.

– Чем могу служить? – Голос звучал хрипло, но без враждебности.

– Простите, что вот так вваливаюсь. Это не имеет никакого отношения к вам лично. Мне просто нужна кое-какая информация об этой квартире.

Мужчина посмотрел на ногу Гурни, все еще придерживающую дверь.

Гурни улыбнулся и отступил на шаг.

– Еще раз прошу прощения. Я вообще-то спешу и никак не могу найти хоть кого-нибудь, кто ответил бы на мои вопросы.

– Какие еще вопросы?

– Самые простые. Например, кто живет в этом доме дольше всех.

– Зачем вам знать это?

– Ищу кого-нибудь, кто был здесь восемь-девять месяцев назад.

– Восемь-девять месяцев? Гмм. – Мужчина впервые за все это время мигнул. – То есть, во время Большого Взрыва, да?

– Если вы имеете в виду стрельбу, то да.

Собеседник Гурни погладил подбородок, словно у него там росла борода.

– Фредди ищите?

Сперва это имя ничего не сказал Гурни, но потом он вспомнил, что где-то в материалах дела ему попадался некто Фредерико.

– Вы имеете в виду того Фредди, который сказал, что видел в этом здании Кэй Спалтер утром в день стрельбы?

– Единственный Фредди, который только показывал здесь свою задницу.

– А с какой стати мне его искать?

– С такой, что он пропал. Зачем бы еще?

– Когда пропал?

– А вы что, не знаете? Шутите, что ли? Эй, приятель, да ты кто такой?

– Просто тип, который хочет взглянуть на все свежим взглядом.

– Не слишком ли большая задача для просто типа?

– Большая заноза в заднице.

– Смешно.

Он не улыбнулся.

– Так когда Фредди пропал?

– После того, как ему позвонили. – Незнакомец наклонил голову набок и посмотрел на Гурни искоса. – Приятель, я думал, ты уже знаешь все это дерьмо.

– Расскажи про звонок.

- Да не знаю я ничего про звонок. Просто Фредди позвонили. Похоже, кто-то из ваших.
- Из копов?
- Ну да.
- И когда это было?
- Сразу как дамочку упекли.
- У Гурни зазвонил телефон. Он не стал отвечать.
- А Фредди не говорил, что это был коп по фамилии Клемпер?
- Возможно.

Телефон у Гурни все звонил. На экране высветилось имя Полетты Парли. Гурни спрятал телефон обратно в карман.

- Ты живешь в этой квартире?
- В основном.
- Будешь здесь попозже?
- Может быть.
- Нам удастся поговорить?
- Может быть.
- Меня зовут Дэйв Гурни. А тебя?
- Боло.
- Как галстук?
- Нет, чувак, не как галстук. – Он ухмыльнулся, снова демонстрируя золотые зубы. – Как

нож.

Глава 17

Немыслимый выстрел

Гурни стоял у окна с телефоном в руке, глядя через улицу и реку на место смерти и последнего упокоения Спалтера. Полетта стояла примерно в центре участка, с зонтиком в одной руке и телефоном в другой.

Он отошел на несколько шагов от окна в глубину комнаты, на то место, где, согласно фотографиям, был обнаружен треножник с винтовкой. Опустился на колени, чтобы смотреть в окно примерно с уровня прицела винтовки, и сказал в телефон:

– Отлично, Полетта. Раскройте зонтик и положите туда, где, по вашим воспоминаниям, лежало тело Карла.

Глядя, как она выполняет его распоряжения, он пожалел, что не захватил бинокль. Потом он посмотрел на полицейскую схему места преступления, которую расстелил на полу перед собой. Там было указано два положения Карла: где он стоял, когда в него попала пуля, и где он упал на землю. Оба места находились между могилой его матери и двумя рядами складных стульев. На каждом из шестнадцати стульев на схеме стоял номер: предположительно, привязывающий схему к списку присутствовавших лиц.

– Полетта, вы случайно не помните, кто где сидел?

– Конечно, помню. Я до сих пор все вижу так, точно это случилось сегодня утром. До малейшей подробности. Как вот ту струйку крови у него на виске. Каплю крови на снегу. Господи, хоть когда-нибудь это забудется?

У Гурни тоже имелись похожие воспоминания. У каждого полицейского их хватает.

– Может, не до конца. Но накатывать будет реже. – Он не стал упоминать, что иные воспоминания поблекли у него в памяти потому, что их вытеснили другие, еще ужаснее. – Но расскажите мне, кто где сидел, особенно в первом ряду.

– Карл, перед тем как подняться, сидел с самого края. То есть справа в ряду, если смотреть от вас. Рядом с ним его дочь, Алисса. Следующий стул пустовал. Дальше три кузины Мэри Спалтер из Саратоги, всем за семьдесят. Настоящие тройняшки, и до сих пор одеваются одинаково. Очень мило – или жутковато, это уж как посмотреть. Потом опять пустой стул. И на восьмом – Йона, как можно дальше от Карла. Оно и неудивительно.

– А второй ряд?

– Второй ряд занимали восемь дам из дома престарелых, где жила Мэри Спалтер. Помоему, они все состояли в какой-то организации. Как же она там называлась? Как-то странно. Старшее что-то... «Старшие силы», вот!

– «Старшие силы»? Что же это за организация?

– Точно не знаю. Я перебралась с одной из них парой слов. Что-то такое... секундочку. Да. У них был девиз или лозунг. Насколько припоминаю: *«Творить добро никогда не поздно»*. Или что-то в том же роде. У меня сложилось впечатление, будто бы они все участвуют в какой-то благотворительности. Мэри Спалтер тоже там состояла.

Гурни сделал себе мысленную пометку посмотреть про «Старшие силы» в интернете.

– А вы не знаете, может, кто-то рассчитывал, что Кэй будет на похоронах? Или удивлялся, что она не пришла?

– Не слышала, чтобы кто-нибудь спрашивал. Большинство знакомых Спалтеров знали, что у них проблемы – что у Кэй с Карлом разлад.

– Хорошо. Итак, Карл с одного конца ряда, а Йона – с другого?

– Да.

– Сколько времени прошло от того момента, когда Карл поднялся с места, до выстрела?

– Не знаю. Секунды четыре? Пять? Я помню, как он встает... поворачивается, чтобы пройти к трибуне... делает шаг, второй... тут-то оно и случилось. Как я уже говорила, все думали, он просто споткнулся. Но ведь именно так и думаешь сперва, да? Если не слышно выстрела. А никто не слышал.

– Из-за хлопнушек?

– Ох, господи, да, еще хлопнушки эти. Какой-то идиот все утро ими трещал. Так отвлекало.

– Хорошо. Итак, вы помните, как Карл сделал пару шагов. Можете пройти на то место, где, по вашим воспоминаниям, он находился в тот момент, когда начал падать?

– Да, легко. Он проходил ровно перед Алиссой.

Гурни видел, как Полетта отошла на восемь-десять футов вправо от зонтика на земле.

– Вот тут.

Он прищурился, чтобы отчетливо различить, где она стоит.

– Уверены?

– В том, что это то самое место? Абсолютно!

– Вы так доверяете своей памяти?

– Да, но дело не только в памяти. Просто мы всегда расставляем стулья именно так: под одинаковым углом относительно могилы, чтобы каждый сидел к ней лицом и ему не приходилось разворачиваться. Рядов добавляем, сколько потребуется, но ориентация стульев относительно могилы всегда одинаковая.

Гурни ничего не сказал, стараясь уложить в голове все увиденное и услышанное. И тут у него снова возник вопрос, что маячил где-то на задворках сознания с того момента, как он впервые прочел отчет о происшествии.

– Я вот что еще подумал. Семья Спалтеров занимает высокое положение. Сдается мне, у них очень много всевозможных знакомств. Так...

– Почему такие скромные похороны? Вы об этом задумались?

– Четырнадцать человек, если я правильно сосчитал – не так уж много в подобных обстоятельствах.

– Выбор покойной. Мне говорили, Мэри Спалтер добавила к завещанию приписку с перечнем тех, кого хочет пригласить на проводы.

– В смысле, на погребение?

– Да. Три кузины, двое сыновей, внучка и восемь дам из «Старших сил». Мне кажется, семья – а по сути, Карл – планировала провести впоследствии куда более пышную церемонию в память усопшей, но... – Голос ее оборвался. Через несколько секунд тишины Полетта спросила. – Еще что-нибудь?

– Один последний вопрос. Какого Карл был роста?

– Какого роста? Шесть футов и один дюйм, может, шесть и два. Иной раз выглядел прямо устрашающе. А почему вы спрашиваете?

– Просто стараюсь как можно точнее представить себе всю сцену.

– Хорошо. Значит, на этом все?

– Думаю, да... хотя... если можно, постойте еще минутку там, где стоите. Хочу кое-что проверить. – Стараясь не отводить взгляда от Полетты, Гурни поднялся на ноги и медленно отодвинулся сперва влево – настолько, чтобы все еще видеть Полетту через одно из окон, а потом точно так же – вправо. Затем подошел к окнам и по очереди залез на оба подоконника, проверяя, что видно с них.

Спрыгнув наконец на пол, он поблагодарил Полетту за помощь, пообещал скоро связаться с ней снова, разъединился и сунул телефон в карман. А потом застыл посреди комнаты, силясь придумать хоть какое-то рациональное объяснение факту, который не подчинялся никаким объяснениям.

Проблема заключалась в фонаре по другую сторону Экстон-авеню. Горизонтальная поперечина загораживала все место действия. Если Карл Спалтер был ростом около шести футов и стоял примерно там, где показала Полетта, роковой выстрел в голову никоим образом не могли сделать из этой квартиры.

Из квартиры, где было найдено оружие убийства.

Из квартиры, где команда по сбору вещественных доказательств обнаружила следы пороховой копоти, соответствующие заряду «Свифта» двадцать второго калибра, – что совпадало с выводами, сделанными после обследования винтовки, и с результатами анализа фрагментов пули, извлеченной из мозга Карла Спалтера.

Из квартиры, где свидетель якобы видел в утро убийства Кэй Спалтер.

Квартиры, где стоял сейчас озадаченный Гурни.

Глава 18

Вопрос пола

Ошеломление лишает иных людей способности рассуждать здраво. Но на Гурни оно оказало ровно противоположный эффект. Очевидное противоречие – выстрел не могли сделать из того окна, из которого он явно был сделан, – подействовало на детектива, точно амфетамин.

Ему захотелось немедленно проверить кое-что по материалам дела. Вместо того чтобы оставаться в пустой квартире, он взял коричневый конверт и спустился обратно к машине, открыл, усевшись на переднем сиденье, и принялся пролистывать первый отчет о происшествии. Отчет был разбит на два раздела – в соответствии с двумя разными местами сцены преступления: местонахождение жертвы и местонахождение стрелка. К каждому разделу прилагались фотографии, описания, интервью и отчеты по сбору вещественных доказательств.

Первым, что поразило Гурни, было одно весьма примечательное упущение. Ни в первом отчете, ни в одном из последующих не нашлось упоминания о том, что поперечная ось фонаря загораживает обзор. Правда, в деле фигурировала фотография могильного участка Спалтеров, сделанная с помощью телефона из окна квартиры, но без масштабированной шкалы отсчета относительно положения Карла на момент выстрела загвоздка в виде фонаря была не очевидна.

Вскоре Гурни нашел и второе упущение, не менее примечательное. Нигде ни одного упоминания о видеозаписях с камер наблюдения охраны. Уж верно кто-то проверил их наличие на кладбище и вокруг, равно как и на Экстон-авеню. Даже не верилось, что можно забыть столь рутинную процедуру, – и в особенности не верилось, что ее провели, ни словом не упомянув в материалах дела о результатах.

Он сунул папку с бумагами под сиденье, вылез из машины и запер ее. Осмотревшись вокруг, он обнаружил на улице только три заведения, которые, по всей видимости, еще не прогорели. Бывшее «Радио Шэк», нынче, похоже, обходящееся совсем без вывески; «Ривер Кингс Пицца» и нечто под названием «Диззи-Дэз», где торговали неизвестно чем, поскольку вся витрина была забита надутыми воздушными шариками.

Ближе всего располагался безымянный магазин электротехники. Подойдя туда, Гурни увидел на стеклянной двери два написанных от руки объявления: «Обновленные планшеты от 199 долларов» и «Вернусь в два часа». Гурни бросил взгляд на часы. 2:09. Он толкнул дверь. Заперто. Он зашагал к «Ривер Кингс», решив заодно уж купить колу и пару кусочков пиццы, как около тротуара притормозил безукоризненно чистенький желтый «Корвет». Выскочившая из него парочка, однако, оказалась не такой безукоризненной. Мужчина под пятьдесят, плотно сбитый, на руках волос гораздо больше, чем на голове. Женщина чуть моложе, с перьями голубых и синих волос, широкое славянское лицо и огромная грудь, выпирающая под пуговицами наполовину расстегнутой розовой кофточки. Пока она барахталась, выбираясь с низкого сиденья, мужчина подошел к двери магазина, отпер ее и повернулся к Гурни.

– Вам что-то нужно? – Фраза прозвучала не столько вопросительно, сколь вызывающе.

– Да. Но дело у меня непростое.

Мужчина пожал плечами и показал на свою спутницу, которая наконец выкарабкалась из машины.

– Поговорите с Софьей. У меня дела.

Софья прошла мимо Гурни в магазин.

– У него всегда дела. – Голос выдавал ее славянское происхождение, как и скулы. – Чем могу помочь?

– Вы давно держите этот магазин?

– Давно ли? Он у него годы, годы и годы. Что вам надо?

– У вас есть камеры наблюдения?

– Камеры наблюдения?
– Камеры, которые снимают людей в магазине, на улице – на входе, на выходе, может, карманников.

– Карманников?

– Ну, тех, кто у вас ворует.

– У меня?

– Из магазина.

– Из магазина. Да. Сволочные ублюдки так и норовят что-нибудь украсть.

– Так у вас есть видеокамеры наблюдения? Чтобы следить?

– Следить. Да.

– Вы были тут девять месяцев назад, во время знаменитого убийства Карла Спалтера?

– Точняк. Знаменитое. Прямо здесь. Сволочная жена застрелила его. – Софья широким взмахом руки указала в сторону «Ивового покоя». – На похоронах матери. Родной матери. Ну вы представляете?

Она покачала головой, словно давая понять, что тому, кто совершит грех на похоронах, в аду причитается двойная расплата.

– Как долго вы храните пленки или цифровые записи с камер?

– Как долго?

– Сколько времени? Сколько недель или месяцев? Вы сохраняете все, что записали, или периодически стираете?

– Обычно стираем. Но не гадскую жену.

– У вас остались копии видео с камер наблюдения за день, когда застрелили Спалтера?

– Коп все забрал, ничего не оставил. А заработали бы кучу денег. Здоровенный сволочной коп.

– Полицейский забрал видеозаписи?

– Точняк.

Софья стояла возле прилавка с мобильниками, разложенными позади нее широким полукругом. Приоткрытая дверь вела в захламленный кабинет. Слышно было, как хозяин магазина разговаривает по телефону.

– И он не вернул записи?

– Нет. А на видео чувак получил пулю в мозг. Знаете, сколько денег отвалило бы телевидение за такие кадры?

– Ваша камера записала, как в человека там за рекой попадает пуля?

– Точняк. Камера, что спереди, она все сечет. Высокое разрешение. Даже задний план. Отличное качество. Все автоматическое. Стоила кучу денег.

– А полицейский, который забрал...

Дверь за спиной у Софьи отворилась шире, волосатый владелец магазина вышел из кабинета. Избороздившие его лицо морщины вечного недовольства и подозрительности стали сейчас еще глубже.

– Никто ничего не забирал, – заявил он. – Вы кто такой?

Гурни смерил его пристальным взглядом.

– Следователь по особо важным делам, проверяющий работу полиции по делу Спалтеров. Вы имели непосредственные контакты с детективом по имени Майкл Клемпер?

Лицо владельца магазина осталось бесстрастным. Слишком уж бесстрастным, слишком надолго. Потом он медленно покачал головой.

– Не припомню такого.

– Это Майкл Клемпер был тем самым «здоровенным сволочным копом», который, по словам этой дамы, забрал видеозаписи с ваших камер и не вернул их?

Волосатый посмотрел на Софью с наигранным изумлением.

– Ты вообще о чем?

Она в ответ столь же наигранно пожала плечами.

– Так копы ничего не брали? – Она невинно улыбнулась Гурни. – Выходит, не брали. Снова ошиблась. Вечная история. Может, перепила. Гарри знает, помнит лучше меня. Верно, Гарри?

Волосатый Гарри ухмыльнулся Гурни. Глаза его сверкали, как черные стеклянные шарики.

– Видите, все, как я и говорил. Никто ничего не брал. А теперь проваливайте. Если не хотите купить телевизор. Широкий экран, подключение к интернету. Выгодная цена.

Гурни усмехнулся ему в ответ.

– Я подумаю. А выгодная цена – это сколько?

Гарри развел руками.

– Зависит. Спрос и предложение. Жизнь, чтоб ее, сплошной аукцион, ежели вы понимаете, к чему это я. Но для вас по-любому хорошие цены. Для полицейских они всегда хорошие.

Магазин с воздушными шариками, расположенный чуть дальше по улице, не помог Гурни продвинуться в расследовании. Косые лучи солнца подсвечивали витрину так, что казалось, она полна ярких огней. А зона покрытия одной-единственной камеры наблюдения в «Ривер Кингс» ограничивалась пятачком в десять футов вокруг кассы. Так что, если только убийца не проголодался и не зашел перекусить пищей, там ловить было нечего.

Однако после визита Гурни в магазин электротоваров его мозг заработал на полную мощность, даже с перегрузкой. Самая правдоподобная гипотеза – что Клемпер обнаружил в записях с камеры какое-то несоответствие желаемой картине событий и решил замять его. Если так, у него была масса способов заставить Гарри держать рот на замке. Может, знал, что магазин служит прикрытием для каких-то иных делишек. Или просто знал о Гарри что-то такое, чего Гарри предавать огласке никак не хотелось бы.

Однако Гурни напомнил себе, что даже самая правдоподобная гипотеза – всего лишь гипотеза. Пора переходить к следующему вопросу. Если пуля не могла прилететь из этой квартиры – откуда тогда? Он посмотрел через реку на синий зонтик Полетты, все еще раскрытый на том месте, куда рухнул Карл.

Изучив фасады домов вдоль улицы, Гурни убедился, что пуля могла прилететь буквально из любого из сорока или пятидесяти окон, выходящих на «Ивовый покой». Что, учитывая скудость собранных Гурни сведений, представляло собой ту еще задачу для расследования. Однако – что толку? Если следы пороха, соответствующего «Свифту» двадцать второго калибра, были обнаружены в первой квартире, значит, из винтовки двадцать второго калибра стреляли именно оттуда. Стоит ли предположить, что в Карла Спалтера стреляли из другой квартиры, потом принесли оружие в ту, с которой сняты подозрения, выстрелили снова и оставили там на треноге? Если так, эта вторая квартира должна быть где-то совсем рядом.

Ближе всего, разумеется, соседняя. Квартира, где обитает человек, назвавшийся Боло. Гурни вошел в подъезд, шагая через две ступеньки, поднялся к двери Боло и тихонько постучал.

Раздался шелест быстрых шагов, потом какой-то скользкий звук – может, это открыли и закрыли ящик комода, – стук двери, и снова торопливые шаги прямо к двери, за которой стоял Гурни. Он инстинктивно отступил в сторону – стандартный маневр, если есть причина ожидать недружелюбный прием, – и впервые с приезда в Лонг-Фоллс засомневался, так ли мудро было появляться здесь безоружным.

Он снова постучал, очень тактично.

– Эй, Боло, это я.

Раздался резкий лязг двух задвижек, и дверь приоткрылась дюйма на три – ровно настолько, насколько позволяли две цепочки.

В щели появилось лицо Боло.

– Бог ты мой. Снова ты. Парень, которому надо осмотреть все. Все – это одно большое дерьмо, чувак. Теперь-то что?

– Долгая история. Можно посмотреть в твоё окно?

– Смешно.

– Так можно?

– Правда? Не брешешь? Хочешь посмотреть в моё окно?

– Это важно.

– Много я паршивых отговорок слышал, чувак, но эта тебе удалась. – Он закрыл дверь, отсоединил цепочки и снова открыл, уже шире. На нём была желтая баскетбольная майка до колен, а под ней, возможно, ничего более. – «Можно посмотреть в твоё окно?» Надо запомнить.

Он отступил на шаг, пропуская Гурни внутрь.

Квартира казалась точной копией соседней. Гурни глянул на кухню, потом на другую сторону маленькой прихожей, где находилась ванная. Дверь была закрыта.

– У тебя гости?

Золотые зубы сверкнули снова.

– Гостя. И не хочет, чтобы её видели. – Он показал на окна на дальней стороне комнаты. – Хотел посмотреть? Ну так смотри.

Гурни было неуютно из-за этой закрытой двери в ванную. Не хотелось поворачиваться спиной к такого рода опасности.

– Может, попозже.

Он шагнул обратно к двери и встал, чуть развернувшись, чтобы отслеживать любые движения в квартире или на лестничной клетке.

Боло одобрительно подмигнул.

– Точняк. Осторожность прежде всего. Никаких темных закоулков. Ловко!

– Расскажи мне про Фредди.

– Да говорил уже. Пропал он. Дело известное, свяжись с тем, кто любит всех поиметь, самого ж тебя и отымеют.

– На суде над Кэй Спалтер Фредди свидетельствовал, что в день, когда застрелили её мужа, она была в соседней квартире. Ты ведь знал, что он это говорил, да?

– Все знали.

– Но сам ты Кэй не видел?

– Может, и видел – кого-то на неё похожего.

– Что это значит?

– То, что я уже говорил тому, другому копу.

– Я хочу сам от тебя услышать.

– Я видел маленькую... маленькую *особу*, вот навроде бабы. Мелкая, тонкая. Как в балете. Для этого особое слово есть. Миниатюрная, вот. Крутое словцо. Что, удивлен, что я его знаю?

– Ты сказал – «навроде бабы». Но ты не уверен, что это и в самом деле женщина?

– В первый раз мне показалось, баба. Хотя трудно сказать. Солнечные очки. Широкая повязка на голове. Большой шарф.

– В первый раз? Сколько ж раз...

– Два. Я ж говорил тому копу.

– Она была здесь дважды? А первый раз когда?

– В воскресенье. Воскресенье перед похоронами.

– Не путаешь день?

– Да вроде как по всему выходит – воскресенье. Мой единственный выходной. На долбанной автомойке. Ну вот, собрался я в «Квик-бай» за сигаретами, иду вниз по лестнице. А эта миниатюрная особа чешет вверх, прямо мимо меня, верно? Внизу я вспоминаю, что деньги-то и забыл. Иду наверх за ними. Теперь она тут стоит, у двери, снаружи, вот позади того места, где ты сейчас стоишь... Ну, я прохожу напрямик к себе за деньгами.

– А ты не спросил, что она тут делает или кого ищет?

Боло коротко рассмеялся.

– Черт. Нет, чувак. Здесь лучше никого попусту не беспокоить. У всех свои дела. Вопросов никто не любит.

– Она вошла в ту квартиру? Но как? С ключом?

– Ну да. Ключ. Само собой.

– Откуда ты знаешь, что у нее был ключ?

– Слышал. Стены-то тонюсенькие. Дешевка. Ключ в замке всегда узнаешь. Эй, что мне вспомнилось! Наверняка – воскресенье. Дин-дон. Церковь у реки, по воскресеньям бьют в полдень. Дин-дон, дин-дон. Двенадцать дин-донов.

– И ты снова видел ту маленькую фигурку?

– Ага. Только не в тот день. До дня стрельбы больше не видел.

– А видел-то что?

– На этот раз в пятницу. Утро. Девять часов. Перед тем как мне тащиться на треклятую автомойку. Выхожу я, возвращаюсь с пиццей.

– В девять утра?

– А что? Нормальный завтрак. Иду я наверх, вдруг вижу, эта мелкая особа входит в дом. Та же самая. Миниатюрная. Быстро так чешет, а под мышкой не то коробка, не то еще что, в яркой обертке. Когда я вхожу, она уже наверху, и точно, теперь уверен, это завернутая коробка, как на Рождество. Длинная такая коробка – три-четыре фута в длину. И обертка рождественская. Когда я наверху, маленькая особа уже в квартире, но дверь еще открыта.

– И?

– Маленькая особа в ванной, думаю я. Вот почему такая спешка и дверь нараспашку.

– И?

– И так оно и есть, маленькая персона в ванной, отлить приспичило. Вот тогда-то до меня и доходит.

– Что?

– Да звук же.

– Ты о чем?

– Я ошибся.

– В чем ошибся?

– Мужики и бабы, звук-то от струи разный, когда они в сортире. Сам знаешь.

– И то, что ты слышал...

– Мужик, точно говорю. Может, мелкий. Но мужик.

Глава 19

Преступление и наказание

Вытребовав у Боло его полное имя (Эставио Болокко), а также номер телефона и по возможности подробное описание этого миниатюрного существа неопределенного пола, Гурни вернулся в машину и провел еще с полчаса, роясь в материалах дела в поисках хоть какого-то упоминания о беседе с Эставио Болокко, о появлении возможного подозреваемого в квартире в воскресенье перед убийством – или о том, чтобы хоть раз поднимался вопрос, какого этот самый убийца пола.

Все три направления поиска привели к нулевому результату.

Веки у Гурни начали тяжелеть, недавний всплеск энергии иссяк. День в Лонг-Фоллсе выдался длинным, пришла пора направляться в Уолнат-Кроссинг. Он уже собирался отъехать от тротуара, как прямо перед ним припарковался черный «Форд Эксплорер». Коренастый Фрэнк Макграт вылез оттуда и подошел к окошку Гурни.

– Закончил?

– Во всяком случае, на сегодня. Хочу добраться до дома, пока не рухнул. Кстати, не припоминаешь, во время стрельбы тут жил один такой тип, Фредди?

– Не жил, а самовольно вселился.

– Ну да, наверное.

– Фре-де-ри-ко, – передразнил Макграт испанский акцент. Голос его сочился презрением. – И что с ним?

– Ты знал, что он исчез?

– Может, и знал. Давно уже.

– Слышал что-нибудь на этот счет?

– Например?

– Например, почему он исчез?

– А мне-то что за беда? Такие приходят и уходят. Мне же лучше – одним мешком дерьма меньше. Вот бы все исчезали! Устроишь так – я твой должник.

Гурни вырвал из блокнота листок, написал номер своего мобильного и протянул Макграту.

– Услышишь чего про Фредди, хоть просто слухи, где он может быть, звони. А пока, Фрэнк, не нервничай. Жизнь коротка.

– Спасибо Христу хоть за это!

Большую часть дороги домой Гурни пребывал в ощущении, будто открыл коробку с головоломкой и обнаружил, что недостает нескольких больших кусков. Он был уверен лишь в том, что из фигурирующей в деле квартиры решительно невозможно было выстрелить так, чтобы попасть Карлу Спалтеру в висок, не пробив перед тем толстую металлическую перекладину фонаря. О чем, разумеется, и речи быть не могло. Без сомнения, недостающие куски головоломки в конце концов помогли бы разрешить это кажущееся противоречие. Знать бы только, какие куски он ищет – и сколько.

Двухчасовой путь обратно в Уолнат-Кроссинг пролегал главным образом по небольшим дорогам – все больше сквозь лоскутный пейзаж лесов и полей. Гурни такие виды нравились, а Мадлен их и вовсе обожала. Но сейчас ему было не до красот.

Он с головой погрузился в мир убийства.

С головой – пока уже в конце гравийной городской дороги, за прудом, не свернул на свою подъездную аллею через луг и не увидел с содроганием четыре чужие машины: три «Приуса» и один «Рэнджровер» – на травянистой лужайке возле дома.

О боже! Распроклятый ужин для клуба йоги!

Гурни покосился на часы. 6:49 – опоздал на сорок девять минут. Он покачал головой, досадуя на свою забывчивость.

Войдя в просторную комнату на первом этаже, служившую кухней, столовой и гостиной одновременно, он услышал гул оживленного разговора за обеденным столом. Все шестеро гостей были знакомы Гурни – их представляли ему на местных концертах и выставках, – но имен он не помнил. (Мадлен, правда, как-то заметила, что имен преступников он никогда не забывает.)

Когда он вошел, все на миг оторвались от еды и разговоров. Почти все улыбались и глядели на него с дружелюбным любопытством.

– Простите за опоздание. Неожиданные затруднения.

Мадлен улыбнулась, словно извиняясь.

– У Дэйва затруднения встречаются чаще, чем обычные люди останавливаются машину заправить.

– Собственно говоря, он как раз вовремя! – Гурни узнал в говорившей – шумливой крупной женщине – одну из коллег-консультантов Мадлен по кризисному центру. Про ее имя он помнил только одно: какое-то чудное. Тем временем гостя продолжала с энтузиазмом: – Мы как раз говорили о преступлении и наказании. И тут входит человек, вся жизнь которого вращается как раз вокруг этого. Ну разве может быть своевременней? – Она указала на свободное место за столом с видом хозяйки дома, приветствующей почетного гостя. – Присоединяйтесь! Мадлен сказала, вы умчались на очередное приключение, а вот на подробности поскупилась. Оно как-то связано с преступлением и (или) наказанием?

Один из гостей-мужчин подвинул стул на несколько дюймов, чтобы Гурни было удобней пройти к столу.

– Спасибо, Скотт.

– Скип.

– Скип. Точно. Почему-то всякий раз, как вас вижу, в голове так и выскакивает – Скотт. Я много лет работал с одним Скоттом, ужасно похожим на вас.

Гурни считал эту маленькую ложь данью светской учтивости. Уж точно предпочтительнее правды, заключавшейся в том, что его ничуть не интересовал ни сам этот человек, ни уж тем более, как его зовут. Вот только с извинением, которое Гурни брякнул, не подумав, вышло неудачно: тщедушному и чахламу Скипу было лет семьдесят пять, а на голове у него красовалась копна взлохмаченных, как у Эйнштейна, буйных седых кудрей. Каким образом этот чудовищный персонаж фильма «Три балбеса» мог напоминать детектива из отдела убийств, само по себе было довольно интересным вопросом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.